

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

Михаил НЕСТЕРОВ

ИМЯ ТВОЕ –
НОМЕР

Румын

Михаил Нестеров
Имя твое – номер

«ЭКСМО»

2007

Нестеров М. П.

Имя твое – номер / М. П. Нестеров — «Эксмо», 2007 — (Румын)

Спецназовец Костя Романов выходит на тропу войны. Секретное задание, полученное им от начальника флотской разведки, адмирала ГРУ, предельно конкретно и жестко: надо ликвидировать группу наемных убийц, действующих по всему миру и наносящих серьезный урон государственной системе России. Дело осложняется тем, что боевики этой группы – бывшие российские спецназовцы, а это значит, что голыми руками их не возьмешь. Но спецназ ГРУ – есть спецназ ГРУ. Костя заточен, как десантный нож, собран как автоматный затвор, стремителен как пуля. Ведь он знает, с кем вступил в схватку.

© Нестеров М. П., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Вместо пролога	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Михаил Нестеров

Имя твое – номер

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое их сходство с действительными лицами чисто случайное. Имена, события и диалоги не могут быть истолкованы как реальные, они – результат писательского творчества. Взгляды и мнения, выраженные в книге, не следует рассматривать как враждебное или иное отношение автора к странам, национальностям, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные, общественные и другие.

Упомянутые в этой книге картины и предметы старины реально существуют, но, по замыслу автора, их нахождение в частных коллекциях, музеях, на аукционных торгах изменено.

Связи с прошлым просто так не исчезают.

Вместо пролога

Женщина Ван Гога

Андрей Вихляев, натасканный на убийства, как борзая на зайца, без колебания выхватил из ножен нож...

Для него появление хозяйки в доме стало проявлением угрозы, и он ликвидировал ее не задумываясь, со стороны могло показаться, будто выстрелило оружие – мощно и неотвратимо, без какой-либо задержки на старте. Для Вихляева же его действия были наработанным до автоматизма связкой. Он резко подтянул ногу, для удобства поворачивая бедро внутрь, и его пальцы обхватили прорезиненную рукоятку ножа. Мгновение – и спецназовец, поддержив плечом, вынес вперед руку в круговом движении. Рассекающий удар снизу вверх оказался таким точным, словно на горле женщины была заранее сделана маркером отметина – от середины левой ключицы до противоположного уха. Вот по ней и полоснул Вихляев. Тут же отшагнул, автоматически меняя обратный хват ножа на обычный. И еще раз шагнул в сторону, словно уступал женщине дорогу. И только сейчас он увидел того, кто неслышно перешагнул порог дома, того, кого он только что убил...

Она была в модной розовой иляпке. В одной руке держала сумочку. Когда падала, невольно ища рукой опору, открыла рот. И он на фоне разверзшейся раны показался крошечным, уродливым, карикатурным.

– Вот дура, – прошептал Андрей.

Он перевернул хозяйку на спину, склонился над ней, заглянул в ее живые еще глаза. Он даже погладил ее волосы и в этом жесте походил на палача с отрубленной головой в одной руке и топором в другой.

Еще раз прошептал:

– Дура...

С легким сожалением. Так шепчут залетевшей в сени синичке, тут же попавшейся в когти кошки.

Женщина была красива. Она понравилась ему, едва бойцы спецкоманды отключили сигнализацию и проникли в ее дом. В гостиной на каминной полке стояло несколько фотографий в рамках. И на каждой – она, похожая на киноактрису или фотомоделю, с распущенными воло-

сами. Вихляев неожиданно подумал в арткулоче: если от этой виллы, как от глыбы, отсечь все лишнее и оставить только эту уютную гостиную, она станет похожей на отдельную квартирку проститутки с трогательной детскостью, на отдельный маленький мирок...

– Прости...

На протяжении многих дней ему будет сниться один и тот же странный и страшный сон. Нет, не рана, не кровь, не женская шляпка, не момент падения жертвы, так и не нашедшей опору, не ее порванные на коленях чулки. Ему будет сниться резервация, где на протяжении многих лет плодились люди-дебилы, люди – идиоты, люди-имбецилы. Целая армия мутантов... Во главе резервации стоял импозантный человек с бледным лицом, утонченный, изысканный, но все же не аристократ. Вихляев же был безликим и ждал своего часа: снести стены резервации и выпустить уродов на волю. Он был рожден для этой миссии. И в резервации к нему относились не менее почтительно, чем к территориальному главе.

...Андрей остановил Юниора повелительным жестом руки и, не сводя глаз с кровавой кромки, резко сказал:

– Ничего не говори.

Он встал с колен в то мгновение, когда кровавая лужа была готова коснуться их.

– Уходим.

Они работали втроем. В этот раз выполняли задание в швейцарском Базеле. За плечами Ветерана похищенная картина Ван Гога «Портрет мадемуазель Раву», упакованная в водонепроницаемый чехол. За плечами всей команды не одна успешная операция, не первый труп. Впервые они убили на задании в Майами...

В кармане Вихляя... похищенная фотография хозяйки дома. Киноактрисы, фотомодели или просто преуспевающей женщины с распущенными волосами...

Глава 1

Находка для шпиона

1

Москва – Майами, 2000 год

Очередной, двенадцатый клиент отверг предложение Алексея Гриневича. Стоило ли рассчитывать на благосклонность тринадцатого? Да, утвердительно ответил он с важной поправкой: если клиентом будет черт. В этот критический момент Гриневич был готов совершить сделку с нечистой силой. Его даже мороз по коже пробрал, когда он мысленно воспроизвел картину Поля Гогена «Автопортрет с желтым Христом». Что-то символическое крылось в нечистой сделке, вернее, смысл крылся в природе символа – распятого Иисуса. И еще одно: на переднем плане не казненный на кресте человек, а мастер, написавший эту картину.

Пора, сказал он себе. Пора приступить к реализации основной части плана по внедрению своего агентства на мировой рынок по возвращению похищенных произведений искусств. Двенадцать несчастных, лишившихся полотен великих мастеров, вежливо указывали бывшему военному прокурору на дверь. Мотивировка была предсказуема. И последний клиент, принимавший главу «Артики» в гостиной своего роскошного особняка на Ривьере, сказал:

– Извините, господин Гриневич, что потратил ваше время. На меня работают лучшие детективы в этой области. Ваше агентство я не встречал в списке подобных организаций. Вы можете доказать свою состоятельность в области поисков украденных ценностей хотя бы одним раскрытым делом?

– Пока нет.

– Еще раз извините.

Двенадцать. Красивое число. Двенадцать месяцев. Двенадцать апостолов. Двенадцать колен Израилевых. Двенадцать *ожидаемых отказов*, словно засевших в двенадцатиперстной кишке. Двенадцать раз Гриневича с насмешкой встречали и те, кто отвергли его помощь в розысках, и те, кто усердно искали похищенные шедевры в надежде на очередной очень высокий гонорар. Порой цена за подобную услугу равнялась аукционной стоимости картины.

Ровно два месяца назад на аукционе Сотбис в Нью – Йорке ныне преуспевающий бизнесмен, а ранее командующий Корпусом морской пехоты Майкл Клинич приобрел картину французского живописца «Автопортрет с желтым Христом». И вот сегодня один бывший военный бросал вызов другому. Российский генерал не собирался на встречу с американским адмиралом – *картину Поля Гогена у адмирала еще не украли*. Спустя «двенадцать» месяцев настала пора проявить себя детективам Гриневича. Их было четверо. Гриневич считал их специалистами высокого класса по проникновению в укрепленные, защищенные самыми продвинутыми технологиями в области безопасности здания. Он укомплектовал основное ядро своей команды бойцами из подразделения боевых пловцов Балтфлота. Он присматривался к «котикам», бывая в командировках, в качестве следователя военной прокуратуры расследуя самые сложные дела: убийства, коррупцию, должностные преступления. Он сам устраивал свое будущее и за два года до выхода в отставку четко представлял структуру, деятельность агентства, которое сам впоследствии и возглавил. Он придумал ему красивое название – «Артика», от английского «Art» (искусство), название, от которого веяло холодом и которое навевало мысли о необъятных просторах, а в представлении Гриневича – возможностях.

2

Команда из четырех человек – Вихляев, братья Панины и Романов – прибыла в Майами по туристическим визам «голой» в плане экипировки и специального оборудования, но решительно настроенной в качестве сплоченной боевой единицы.

В течение недели боевики наблюдали за адмиральским домом, кажущимся неприступной крепостью каменного века, возведенной на вершине утеса, снимали дом на фотокамеру с высоким разрешением и подолгу изучали снимки. Флоридские владения адмирала были обнесены натовским ограждением, умело замаскированным за кустами жасмина; издали ограждение и походило на живую изгородь.

Андрей Вихляев составил план и определил роль каждому бойцу. В местном магазине братья Панины приобрели водолазное снаряжение, включая ножи с титановыми лезвиями, надувную лодку. Сам Вихляев наведлся в магазин, торгующий и сдающий напрокат альпинистское снаряжение. Костя Романов обходил местные бары и кафе в надежде познакомиться с охранниками адмирала. Согласно информации Гриневича бывшего командира Корпуса морской пехоты охраняли «тюлени», оставившие службу взамен на заманчивое предложение адмирала. Последний не делал из этого тайны, наоборот, он афишировал этот факт, служивший ему дополнительной защитой.

Три дня прошли впустую. Самый молодой член команды засомневался: развлекаются ли бывшие «тюлени» в привычных для американцев барах. На четвертый день в начале десятого вечера Романов зашел в бар «На дне». Заняв место за стойкой, спросил бармена:

– С кем тут можно перекинуться парой слов на профессиональную тему?

– Ты гомик, что ли? – хрюкнул бармен. – Тогда ступай в бар «Культ голубых устриц», там тебя примут со всеми почестями.

Романов в другой ситуации не стал бы нарываться на скандал, может быть, ответил в своем стиле: «Да. И я знаю, почему только ты признал во мне гомосексуалиста, брат».

Но сейчас Костя перегнулся через стойку и схватил бармена за грудки.

– Ты кого гомиком назвал, урод?

И услышал голос за спиной:

– Остынь.

Костя обернулся. На него смотрел рыжеватый парень лет двадцати семи...

Романов изучил лицо американского адмирала по снимкам, полученным в том числе из Интернета. Самыми ценными в оперативном плане оказались кадры, невольно объединившиеся в фотосессию. Они были сделаны в Нью-Йорке в день приобретения адмиралом картины Гогена. И на каждом снимке рядом с ним оказывался молодой человек с военной выправкой. Ряд снимков – как емкий ролик, сравнил Костя. Этот короткий фильм подсказал ему профессию человека, находящегося рядом с адмиралом: телохранитель. На одном снимке об этом говорила его поза, на другом – поворот головы и то, как он держит руки: его шеф с упакованной картиной, а его рыжеватый спутник... с пустыми руками, как и положено телохранителю.

Косте понадобились секунды, чтобы осознать: перед ним один из охранников адмирала. Он жаждал этой встречи, устав ходить по бесчисленным барам.

Романов отпустил бармена и сосредоточил внимание на реальном противнике. Вариант «Извините, погорячился» не работал – знакомство сорвалось бы, не начавшись. Что делает американец, прикидывал Костя, если дать ему возможность атаковать, но прежде спровоцировать его на атаку.

Романов не встал, а будто сошел с высокого вертящегося стула и оказался в *резко выраженной* односторонней стойке, выдвигая вперед ногу, как если бы делал шаг для сближения. Его стойка оказалась противоположной стойке «тюленя», и тот чисто механически принял ее

именно в качестве агрессии. И дальше действовал мгновенно и на автомате. Поставив ногу позади ног Романова и захватывая его ноги спереди, «тюлень» провел бросок с обратным захватом ног. Костя прочитал его действия по его глазам, обманным движениям, по его стойке, в которую сам и загнал его, оставляя ему на выбор не больше двух-трех приемов. Может быть, та уверенность, с которой столкнулся американец, заставила его ошибиться, причем дважды. И он просто не мог не упасть вместе с противником. Романов тут же воспользовался его промахами и уже в партере показал американцу, что такое рычаг локтя через предплечье. Он грудью зафиксировал туловище противника, но прежде захватил запястье его руки и подвел предплечье своей руки под локоть. Он намеренно медленно приподнимал локоть вверх по направлению к ногам, выпрямляя руку телохранителя. Тот не выдержал острой боли и подал сигнал «сдаюсь», застучав рукой по полу. Романов отпустил его. Оказавшись на ногах первым, он подал сопернику руку. Одновременно представился и поздоровался, демонстрируя приличный английский.

– Кевин, – с некоторой задержкой назвал себя американец. – Морская пехота? – попробовал угадать он, начиная с элиты американских вооруженных сил.

– Как угадал? – улыбнулся Романов.

Кевин с честью вышел из положения. Кивнув на малость обалдевшего бармена, объяснил:

– Разве не ты спрашивал у него, с кем тут можно *перекинуться* на профессиональную тему.

Романов без труда уловил ударение и ответил:

– Вот мы и перекинулись.

Кевин засмеялся. Указав на дальний столик, предложил:

– Уединимся?

И шелкнул пальцами, привлекая внимание бармена:

– Два виски.

В этот вечер они говорили о многом, но главной темой была служба в армии. Костя задавал наводящие вопросы и получал необходимые ему ответы.

– Лично я скучаю по службе.

– Я тоже, – ответил американец. – Но если ты спросишь, жалею ли я...

– Считаю, я спросил, – улыбнулся Романов.

– Нет, не жалею. У адмирала я получаю приличные деньги. Причем график просто смешной – сто пятьдесят часов в месяц, представляешь?

– Постой, ты же оставил службу, при чем тут адмирал? Ты что, устроился при нем гражданским адъютантом?

Костя задал выверенный вопрос и не дал заподозрить себя в излишней настойчивости; немного пожалел, что американец мало пил: всего два виски за час.

– Я возглавляю службу охраны адмирала, часто, но не всегда с ним. Есть такие мероприятия, причем затяжные, дня на три или четыре, куда телохранителей не приглашают. – Кевин сделал недвусмысленный жест руками и заговорщически подмигнул. – Шеф на пенсии, у него свой бизнес. Здесь у него вилла – на самом высоком утесе. Выше этого здания здесь ничего не строят.

– Стало быть, адмирал в этих краях, – Костя пощелкал пальцами, подбирая определение, – вроде главы местного парламента?

– Что-то вроде этого, – улыбнулся в свою очередь Кевин. – Знаешь, чтобы стать гражданином Монако, нужно шесть месяцев в году находиться в этом карликовом государстве. Для моего шефа это место – тоже что-то вроде княжества.

– Охранникам лафа в этом плане, – заметил Романов.

– Не скажи. Работа у нас сложная. Устаешь следить за всеми подступами к зданию. Даже грань утеса днем и ночью попадает в кадр. В самом здании установлены детекторы движения.

– Как же вы передвигаетесь по дому?

– Отключаем датчики во время короткого обхода.

– Хочешь виски, пива?

– Нет. – Кевин с сожалением посмотрел на часы. – Через двадцать минут мне нужно быть на объекте. Таковы условия: начальник службы охраны обязан находиться на объекте во время вечернего обхода. Исключение – когда адмирал дома. Этот режим мне придется поддерживать еще два дня.

– Жаль, мало посидели, выпили.

– Ты надолго в наши края? – поинтересовался американец.

– Через два дня мой отпуск заканчивается.

– Кстати, – направившийся было к двери Кевин вернулся, – как называется контрприем, который ты провел?

– Рычаг локтя через предплечье, – назвал Романов. – Самбо. Ты совершил две ошибки, выполняя бросок с обратным захватом ног. Во-первых, ты перенес вес тела на «переднюю» ногу и с большим трудом оторвал меня от пола. А когда все же оторвал, не отставил свою ногу. Жаль, у нас нет времени, я бы показал тебе несколько приемов.

Романов проводил Кевина глазами до двери. И в любое мгновение ждал его возвращения – под любым предлогом. Может быть, он вернется не сейчас, но позже, посоветовавшись со своими подчиненными, рассказав им про странное знакомство, передав им содержание беседы – от первого слова до последнего, настораживаясь все больше и больше.

Романов чувствовал, что он будто перезагружается. Его система не дала сбой, но внутренний диспетчер задач требовал освободить память во время перезагрузки.

Он усмехнулся: где остальные пользователи? Где члены команды? Где эти чертовы сетевые адаптеры?

Он тут же вернулся к прежней теме. Словно влез в голову Кевина. Он спешит на работу, полный впечатлений от неожиданной встречи. Какие у него сомнения относительно разговора с 23-летним русским парнем? Романов помнил слова Алексея Гриневича, который часто выступал перед бойцами в качестве командира роты: «Когда ты на задании, твой мозг и организм работают в непривычном режиме. Тебя гложут сомнения, но ты обязан освободиться хотя бы от половины: отсеивая не разумом, а чувствами. Ты труп без этой науки. Но нет этой науки без практики. Твоя работа постепенно превратит тебя в сильно сомневающегося человека, в человека уникального: сомневаясь, ты не потеряешь уверенности в себе. У тебя не возникнет затруднений при разрешении любого – пустячного или жизненно важного вопроса».

Возвращаясь в гостиницу, где его поджидали товарищи, Романов четко знал, что дала ему эта встреча. Он словно рапортовал, а после давал пояснения.

«Адмирал не будет дома сегодня, и еще два дня. Почему – потому, что Кевин обязан находиться на объекте во время вечернего обхода в то время, когда адмирала нет на объекте. Сегодня и, по крайней мере, еще два дня. Грань утеса днем и ночью попадает в объектив видеокамеры. В здании установлены детекторы движения. Они отключаются во время короткого обхода. Вечерний обход начинается в 23.00. Именно к этому времени старался не опоздать Кевин».

– Камеры видеонаблюдения остаются не у дел во время обхода.

– Почему ты так решил? – спросил командир группы, слушая доклад подчиненного в номере гостиницы.

– В том смысле, что в них некому смотреть.

– Разве Кевин говорил о том, что охранники совершают обход всем составом?

– У него в подчинении всего четыре человека, – терпеливо объяснял Романов. – Каждый работает по сто пятьдесят часов в месяц. То есть четыреста пятьдесят часов на четверых. То

есть в каждом конкретном случае объект охраняет один человек. А если брать в расчет Кевина, начальника службы охраны, то на одну десятую меньше одного человека.

– Вижу, тебя учили работать с цифрами, – усмехнулся Вихляй, сам в прошлом инструктор.

– Как и тебя. Первое, что я услышал, перешагнув порог экипажа: «Как твое имя, матрос?» Я наивно ответил: «Костя». И получил исчерпывающий ответ: «Нет, клоун. Здесь твое имя – только номер».

Вихляев покивал. Он, братья Панины, Романов, многие другие курсанты слышали то же самое в свое время.

– Значит, во время обхода у пульта видеонаблюдения никого нет, – повторил вслед за Романовым Вихляев. – Молодец, Костя, – похвалил он его, – это ценная информация. Болтун – находка для шпиона.

Он выбрал из кучи снимков, сделанных «Никоном» с надувной лодки, самые четкие, разложил их в стиле панорамы и прямо на них сделал маркером несколько отметок.

– Это волны, бьющие в скалу, – пояснил командир. – На лодке к берегу пристать можно, но придется идти, прижимаясь к берегу. Вместо птицы удачи поймем патрульный катер. Метрах в трехстах от утеса есть заводь. Вот она на этом снимке, – показал он. – Панины сегодня заходили туда на лодке.

– Да, – подтвердил Ветеран, невысокий, широкоплечий морпех. – Независимо от прилива, течение в заводи всегда в обратном направлении. Есть и место, где можно расчитать лодку или притопить.

– Притопим, конечно, – чуть рассеянно подтвердил Вихляй.

Новые данные, полученные Романовым, едва ли не в корне меняли ход операции. Они были своевременными, в этом Андрей не сомневался. Он на ходу ломал один, предварительно составленный план и строил другой.

– Начало оставляем – оно мне нравится. Меняем время. К заводи подходим с тем расчетом, чтобы доплыть в аквалангах аккуратно к половине одиннадцатого. Маскируем акваланги на дне и начинаем подъем на утес ровно в то время, когда охранники начнут обход. Подъем долгий и трудный, на утес охрана также обращает внимание. Обращает вскользь, я думаю. За один раз не поднимешься, но за два можно.

– Похоже, ты один знаешь, чего хочешь, – сказал Юниор. – Так объясни нам. Хочешь сказать, что мы заночуем на середине скалы?

– Точнее сказать, застрянем там на сутки. На скале есть несколько приличных террас, заросших жасмином. Например, эта, – командир сделал пометку на снимке. – Закрепимся там на веревках. Если ширина позволит провести время в более комфортных условиях, поставим палатку, – сострил Вихляев.

Он снова сосредоточился на снимках, до боли в глазах всматриваясь в каждый и находя в четком изображении утеса то уступ, то террасу, то выемку. И каждый объект помечал маркером. Вскоре на снимке образовалась прерывистая кривая, которую 29-летний Вихляй окрестил штрихкодом.

– Это наш путь наверх. Хорошенько заучите его, сами прикиньте масштаб. Полезем ночью, «штрихкод» должен сидеть у каждого в голове, ясно?

– Да, – ответил каждый по очереди.

Командир снова взял короткую паузу.

– Костя, ты дружишь с цифрами. Еще раз прикинь площадь дома, участка, или как он там называется, посчитай, сколько комнат и прочего дерьма, куда можно заглянуть. Прикинь и скажи, сколько времени потребуется двум охранникам проверить объект. Полчаса – это много по-любому, – сам вычислил командир.

У Романова уже был готов ответ:

– В нашем распоряжении будет четверть часа. Два раза по четверти часа. Завтра и послезавтра. Потому что через три дня вернется адмирал. И для нас лучше не забивать голову вторым вариантом. Предварительные наметки у нас есть, так что сесть за работу над вторым планом никогда не поздно.

Глава 2

Восхождение на Эверест

1

На следующий день, едва стемнело, четверо боевиков вышли из отеля. Они спустились вниз по склону, где, укрытая от постороннего взгляда, их поджидала резиновая лодка со снаряжением. Братья Панины сели за весла и взяли направление вдоль скалы. Полтора километра пути показались короткими. Романов едва не тронул командира за плечо: «Куда это мы поворачиваем?» Панины, работая веслами в разных направлениях, преодолевали течение, оказавшееся в горловине заводи довольно сильным; фактически табанили, заходя в залив кормой вперед.

Вихляев включил фонарь и высветил приличный выступ в скале, за который тотчас ухватился рукой. И лодка стала как мертвая. Здесь, в самом дальнем углу залива, движение воды не чувствовалось, но стоило отойти от нее на метр, как лодку начинало крутить.

– Переодеваемся, – распорядился Вихляев, предпочитая эту команду «занудной» армейской «экипируемся». Он первым подал пример, стал натягивать на голое тело гидрокombineзон. Затем, надев акваланг, опустился на дно залива и присмотрел там камень. Им и привалил сдвинутую лодку, после того как остальные аквалангисты открыли на ней все клапаны и погрузили на дно.

Вооруженные лишь титановыми ножами, «котики», подгоняемые течением, выплыли из заводи и взяли прежнее направление. В середине трехсотметрового пути Вихляев чуть сбавил темп: шли, опережая график на десять минут.

Выход из воды был предельно организован. По часам. Ровно в одиннадцать вечера. Только сейчас камера инфракрасного обнаружения, замаскированная на вершине утеса, могла засечь их, поскольку слой воды даже в несколько сантиметров непрозрачен для нее.

Первым из воды показалась голова Ветерана, освободившегося от акваланга и ласт. Он огляделся и тронул голову брата, все еще находящегося под водой. Юниор вытолкнул брата на поверхность. Ветеран ухватился за уступ и удержался на чуть покатоной площадке. Закрепив на каменном уступе веревку, он бросил другой ее конец в воду. Помог подняться брату, потом Романову. Последним из воды вышел Вихляев.

Одетые в гидрокombineзоны, матово переливающиеся при свете уходящей луны, боевики преодолели первые десять метров скалы. Дальше начиналось то, что называют вертикалью.

Теперь во главе маленького отряда шел командир. Обутый в боты с жесткой подошвой, он поднимался в почти кромешной тьме, нащупывая руками выступы, трещины, углубления. Его словами, он терял ощущение реальности в перчатках – кожаных, резиновых, любых. И сейчас его руки не были защищены. Он часто окунал пальцы в непромокаемый мешочек с тальком, висевший у него на ремне, и, находя очередную опору, подтягивался лишь на пальцах. Он старался не смотреть вверх – далеко вверх, запрокидывая голову, хотя желание отыскать в темноте край последнего карниза было чуть ли непреодолимым. А пока что на пути не последний, а очередной уступ.

После десяти минут подъема, найдя широкий выступ, увитый плющом, Вихляев дал себе передохнуть. Ему было намного удобнее, чем товарищам, идущим по его пути. Но он выступал в роли ведущего, и ему было несравненно труднее.

Отдыхая, он все же подсчитывал. И в его подсчетах не было мер длины, он оперировал другими измерениями – минутами и секундами. Судя по темпу, с которым они шли, принимая в расчет график, впереди – пять минут подъема. Не больше.

– Хоть тресни – не больше, – тихо выругался командир. Хотя бы по той причине, что к этому времени охранники закончат обход объекта. Один из них снова займет место за пультом и, кто знает, увидит на скрытой в листве жасмина и чахлого лимона сначала одного, потом второго, третьего и четвертого человека, похожих в инфракрасном отображении на лягушек.

– Пошли, – скомандовал сам себе Вихляй и, не скрывая вздоха, полез выше.

Все четверо оказались на террасе, заросшей все теми же жасминными лианами и диким лимоном, ровно в четверть двенадцатого. Юниор, забравшись на каменный уступ, по ширине не превышающий сорока сантиметров, прокомментировал:

– Я думал, Эверест в Гималаях... Вернусь, расскажу об этом моей подруге. Вихляй, ты же знаешь ее, мы однажды сталкивались.

– Кроме этого, я сталкивался с ней еще два раза. Закрепляемся.

2

Одиннадцать вечера ровно. Секундная стрелка на часах командира начала отнимать у нового часа первые мгновения.

– Вперед, парни, – отдал Андрей первую за последние сутки команду.

Он на себе почувствовал, что подниматься стало легче. Тут же мысленно поправился: привычнее. Несмотря на бессонную ночь, он чувствовал прилив сил, словно заглянул в будущее и увидел удачное окончание операции. Он ускорил темп, уже намеренно опережая график, отвоевывая у пятнадцатиминутного отрезка секунды, а потом и минуты.

Вихляй ухватился рукой за металлическое ограждение, походившее на корабельный леер, и перевалился через него. Замер, приготовив нож, прислушиваясь, вглядываясь в очертания основного здания. Краем глаза наблюдал за товарищами, которые повторяли его нехитрый маневр.

– Надеюсь, мы действительно невидимы и никто из нас не болеет, – бросил Вихляй, прежде чем жестом руки увлечь товарищей за собой.

Четверка боевиков миновала фасадную часть здания. На северной стене точно посередине извивалась пожарная лестница. Под ней находилась дверь запасного выхода. Боевики прижались к стене. Вихляй снова отметил время: до конца обхода оставалось четыре минуты. Охранники – теперь неважно, двое их или трое – точно в доме. Он был отлично иллюминирован, не во всех комнатах, но в холле и гостиной свет горел, как в рождественскую ночь. Второй вариант – неожиданно вернулся хозяин.

Вихляй рискнул включить фонарик и обследовал участок рядом с дверью. Он без труда определил свежие следы на мелкой плитке с широкими, заполненными песком зазорами. Дул легкий ветерок, и через пятнадцать минут от отпечатков ничего не останется. Уже сейчас песчинки перемещались миниатюрными барханами...

– Они точно прошли через запасной выход, – тихо прошептал Вихляй. – Охранники редко пользуются парадным. – Он замолчал, понимая, что начинает не к месту рассуждать.

К этой минуте боевики расположились по двое по обе стороны от двери. Они одновременно слышали приглушенные голоса, потом уже рядом с выходом голоса... двух человек. Диверсанты приняли позы лягушек, готовых к прыжку. Причем Вихляй работал в своей манере. Он стоял лицом к стене, словно у него на руках были присоски. Он в любой миг был готов «оторваться» от стены и спиной вперед провести свой излюбленный прием: захват шеи

противника локтевым сгибом. И в этом «обратном» варианте шансов выжить у соперника не было: резкое приседание, и его шея ломалась, как карандаш.

Открылась дверь. Из нее на площадку вышли два человека в гражданской одежде. Кевин повернулся к двери и закрыл ее на ключ. Крутанул связку в руках, наморщил лоб, будто что-то забыл сделать. В метре от него стоял лицом к стене русский «тюлень». Он казался барельефом, на котором жили лишь его посверкивающие глаза.

Кевин также стоял лицом к двери. Когда он повернулся, Вихляй чуть повернул голову, провожая его глазами. Американец сделал шаг, Вихляй, не отрывая ног от земли, отклонил тело далеко назад; при желании он мог заглянуть Кевину в глаза. Но на следующем шаге он достал его в коротком прыжке. Как всегда, спиной назад. Обвив его шею рукой, Вихляй резко поджал ноги. А затем выбросил их вперед и приземлился на зад.

Романов сморщился, услышав звук сломанных позвонков. Но тут же пришел на помощь командиру. Вдвоем они убрали тело морпеха к стене. Вихляев освободил его от ключей, открыл дверь. Требовательный кивок Романову: взялись за тело. Они внесли Кевина внутрь здания. За ними следовали братья Панины, неся за руки и за ноги тело второго охранника.

– Отлично сработали, ребятки, – похвалил Вихляй. Он был уверен, что охранная система особняка обслуживается из специального здания. Он нашел этому подтверждение, шагнув в холл. Тишина. И полумрак. Охранники, уходя, оставили лишь дежурный свет, точнее, его жалкое подобие, скорее всего подобранное для максимальной гаммы и яркости видеоаппаратуры.

Вихляев *первым* начал подниматься по лестнице. *Первым* подумал об автономных сигнализациях. Ему *первому* пришла в голову мысль о том, что охрану здесь обеспечивали морские пехотинцы, и они наверняка привнесли в нее что-то свое, армейское, что порой бывает надежнее и эффективнее самых современных охранных систем. Вихляй знал десятки вещей, называемых «ловушками». И попался в одну из них, едва сошел с лестницы на короткую площадку, а дальше его словно занесло в коридор. Он почувствовал резкую боль в глазу, но даже не вскрикнул. Он не был бы настоящим спецназовцем, если бы не замер на месте. Дальше он жестом и голосом одновременно предупредил товарищей:

– Я на крючке! Головы ниже. Братья, осмотритесь, Румын – ко мне. Голову ниже.

– Не глухой, – спокойно отозвался Романов.

Он пригнулся и, включив фонарик, рассмотрел ловушку, которая, будь Вихляй один, похоронила бы его здесь. В первую очередь Костя увидел блеснувшую в свете фонаря стальную проволоку, тонкую, как волос, и прочную, как канат. По идее он смотрел на закидушку, расставленную на человека. С проволоки, протянутой от стены до стены, свисали короткие поводки с рыболовными крючками. Когда луч фонаря коснулся лица Вихляя, Костя покачал головой. Крючок пробил командиру веко. Натянувшаяся проволока оттянула его, открывая жуткое зрелище: огромный, плачущий кровью глаз.

– Что видишь? – спросил Вихляй.

– А ты? – хмыкнул Костя, вынимая нож. – Только не моргай.

– Не моргать? Стой, стой, Румын, – заторопился командир. – Здесь дело покруче, чем ты думаешь. Я на «автономку» подсел. Нельзя отрезать крючок: датчик тут же отреагирует на увеличение сопротивления. Я напоролся на электрическую цепь. Другое сопротивление, напряжение, обрыв – и сработает автономная сигнализация. Через минуту здесь будет столько полицейских...

– Не пори ерунды.

– Ты о чем?

– О крючке и сопротивлении. Ты сейчас на нем – как огромный кусок сопротивления. Но я что-то не слышу рева сигнализации. «Ловушка» работает как обычная растяжка. Тебе повезло. Ты не сильно натянул проволоку. Но крючок придется вырезать по-любому. У нас нет кусачек, чтобы перекусить стальной поводок.

Вихляй тяжело сглотнул.

– Зови братьев.

Бойцы зафиксировали сначала фонарики, потом – голову Вихляева. Чтобы он не смог дернуть головой, Ветеран приставил к его затылку нож.

– Слабо, – выдавил сквозь зубы Андрей. – Не чувствую острия. Дави до крови.

Юниор присел на колени и продублировал брата, коснувшись своим ножом крепкого подбородка командира.

– Сможешь? – сквозь стиснутые зубы нервно спросил Вихляев.

– Не бойся, – успокоил его Романов, – я до армии в столовой подрабатывал – консервные банки открывал. Не хочешь засмеяться? Давай сейчас, потом будет поздно.

– Все нормально, брат. Сделай мне косметическое сечение. Такое красивое, чтобы любой косметолог слюной изошел.

Костя выждал несколько секунд, дожидаясь, когда выговорится командир. После чего приступил к работе, еще раз осмотрев рану и крючок.

Едва сталь коснулась века командира, он весь напрягся, словно по проволоке прошел ток высокого напряжения. Чуть нажимая на нож, Романов провел лезвие от кончика до гарды, углубляя рану. Кровь хлынула с такой силой, что залила и нож и руки Кости. Теперь он мог ориентироваться только по крючку. Сделав еще два коротких надреза и помня, что сильное натяжение проволоки грозит провалом операции, Романов приступил к завершающему этапу. Ему осталось рассечь веко под крючком. Но едва он коснулся ножом того места, как крючок высвободился.

Панины, как один, убрали фиксирующие ножи. Романов, расстегнув на груди куртку гидрокombineзона, спустился в холл, перевернул тело Кевина и достал из его нагрудного кармана носовой платок. У него не было ни времени, ни желания разобраться в своих чувствах. Может, еще придет пора вспомнить об этом, подумал Костя, возвращаясь к товарищам.

– Возьми, – предложил он Вихляеву платок. – Сильно не прижимай, иначе кровь потом с новой силой хлынет.

– Чтобы кровь не шла, нужно рану выше головы поднять, – подал совет Юниор.

– Я найду комнату слежения, – предупредил Романов.

– Давай, Костя, – покивал командир, – уничтожь все записи. Кроме одной. Ну ты знаешь, я о чем. Назовем ее «Рыбалка с Вихляевым». Посмеемся за бутылочкой пивка, и не раз. – Он легонько подтолкнул товарища в спину.

В библиотеке, где стоял запах дорогих сигар, боевики увидели то, зачем явились сюда. По команде Вихляева Ветеран подошел к картине и несколько секунд смотрел на творение Гогена. Потом обрезал провод, ведущий к ней, и снял «Автопортрет с желтым Христом» со стены. Юниор приготовил непромокаемый пакет для картины, размеры которой вместе с рамкой составляли сорок два на пятьдесят сантиметров. Закрепив пакет на манер ранца, он кивнул: «Готово».

Вихляев не принимал участие в работе, которую не считал позорной или порочной. Он смотрел одним глазом на своих товарищей, которые привязывали к ногам охранников камни. Он даже пропустил момент, когда Панин и Романов перевалили тело Кевина через металлическое ограждение... Очнулся, когда Костя опустился подле него на колени и указал рукой в сторону моря.

– Что?

– Я помогу тебе спуститься.

– Я сам, – отказался от помощи Вихляй. Он к этому времени разорвал платок надвое, связал его так, что узел давил на небольшую, но серьезную рану.

Он взялся за веревку, привязанную к ограждению скользящей петлей, и перебрался на другую сторону. Отпуская трос и отталкиваясь от скалы ногами, командир заскользил вниз.

Гриневич отдавал себе отчет в том, что в этой операции без жертв не обойтись. Его устроила официальная, она же предварительная версия ограбления, озвученная в том числе ответственным секретарем полиции Майами за связи с общественностью. Картина Гогена была похищена при прямом пособничестве начальника охраны – Кевина Глостера, и все силы полиции, включая ФБР, брошены на поиски преступников и их пособников.

Гриневич встречал своих боевиков в Шереметьево-2 на своем семиместном джипе «Форд». В первую очередь он принял от командира группы ключ от депозитной ячейки в частном банке Майами на имя Алексея Гриневича. И только потом поинтересовался, что с глазом.

– Набрел на дырочку в туалете для особо важных телок, – неохотно ответил Вихляй. – В детстве я часто подсматривал и был самым счастливым мальчиком на свете.

– Понятно, – усмехнулся Гриневич, уступая место за рулем Косте Романову. – Был самым счастливым, но не знал этого. У меня есть знакомый хирург-косметолог. Ручаюсь – шрама не будет заметно. Хочешь, сразу поедem к нему?

Вихляев кивнул:

– Да. Если команда не возражает.

3

Адмирал Майкл Клинич долго не мог принять решения на встречу с русским детективом. Он краем уха слышал о нем как о неудачнике – в том плане, что видные коллекционеры старины, потерявшие свои шедевры в результате грабежей, не хотели иметь с ним дело.

Легкий ветерок, неожиданно ворвавшийся в кабинет через приоткрытое окно, перевернул страницу календаря. Завтра неприятная, отвратительная по своему значению дата. Со дня кражи картины Поля Гогена прошло два месяца, а следствие не продвинулось ни на шаг. Ни следов полотна, ни похитителей, ни... пособников. Майкл Клинич до сих пор не верил в измену Кевина. Не верил с одной оговоркой: «А вдруг?» Вот если бы ему представили факт, доказывающий вину Кевина хотя бы косвенно, он бы поверил.

Он промаршировал главу «Артики» в холле добрых полчаса. Не стал вызывать его к себе в кабинет, а спустился в холл.

– Господин Гриневич?

– Сэр... – Алексей Викторович чуть наклонил голову.

– Наслышан о вас, – не удержался от ехидного замечания хозяин дома. Он не мог видеть Гриневича минутами раньше, когда он словно анализировал ситуацию: вот здесь его боевики положили тела убитых охранников. Они убили их, но, с другой стороны, не пролили ни капли крови. Кровь пролил лично командир группы. Впрочем, Гриневич, узнав подробности, просто рассмеялся; он живо представил себе то, от чего Вихляева отделяли мгновения и миллиметры: его глаз, болтающийся на крючке. Гриневич еще не утратил хорошего настроения.

Адмирал присел на диван и жестом руки пригласил гостя последовать его примеру.

– Ваша фирма называется «Артика». На вас работают русские детективы?

– И связи по всему миру.

– Что могут ваши люди?

– Я понимаю ваш сарказм, сэр, и смог бы погасить его, скажем, через два, три месяца.

– Так у вас нет волшебной палочки... Скажите честно, что у вас есть? Опыт в расследованиях?

– Господин адмирал, – Гриневич поменял положение ног и подпернул штанину. – Ровно три года назад я оставил место следователя по особо важным делам при главном военном прокуроре. У меня два года адвокатской практики, генеральское звание, громадный опыт следственной работы. Почему бы нам не заключить контракт? Вы из принципа не хотите иметь дело

с русскими специалистами? Вы русофоб? А может, националист? – напирал Гриневич. – Считаете, если русские чернеют от хамства, которого не переносят, значит, становятся неграми?

– Я этого не говорил, – запротестовал адмирал, представив себе обратное перевоплощение: побелевшего от хамства негра... – Сколько процентов от стоимости картины вы хотите получить в случае удачного завершения дела?

– Для начала я хочу взглянуть в документы и узнать стоимость картины.

– Вы знаете стоимость полотна, – адмирал демонстративно отказался ворошить прошлое. – Я лично присутствовал на торгах, а не названивал в аукционный дом по телефону.

– Полагаю, пятнадцать процентов вас устроят.

– Десять.

– Пятнадцать, – Гриневич улыбнулся кончиками губ и чуть склонил голову набок. – Если бы я захотел поторговаться с вами, то назвал бы процентов семьдесят.

– То есть... торговаться с вами бессмысленно?

Гриневич немедленно поправил собеседника:

– Бесполезно.

– Даже так?

– И без дальнейших объяснений.

– Странный вы народ, русские... – Адмирал долго смотрел на гостя, еще дольше на свои морщинистые руки. – Еще какие-нибудь особые условия у вас есть?

– Конечно. Например, специальные, а зачастую специфические методы работы моих агентов. Они вольны купить информацию о картине, о конкретном человеке, который выведет на след другого человека. Наконец, они могут выкрасть необходимую информацию или с помощью других бумаг завладеть другими бумагами.

– Для меня важен результат, – ответил адмирал, выслушав стандартный набор инструментов детективного агентства.

– Отлично. И еще один момент, – продолжил Гриневич. – Владельцем вашей картины может оказаться очень влиятельное лицо. Он может оказаться заказчиком этого преступления. А может стать, он жертва: купил картину по случаю, на порыве, забывая о том, что она краденая. Что дальше? Отказываться от нее? Выбрасывать на помойку? Знаете, кто такие подкидыши?

– Я понял, о чем вы говорите. Подкидышем называют дух Иосифа, усыновившего Иисуса.

«Господи...» – Гриневич с трудом подавил вздох. Ему даже показалось странным, что хозяин, упомянув Иисуса, не порыскал глазами в поисках государственного флага и не промурлыкал гимн.

– Порой подкидышей любят больше, чем родных детей, – Гриневич объяснил проще. – Я об этом хотел сказать. Но вернемся к делу. Не могу не похвалить вас, адмирал: вы думаете в правильном направлении. В этом случае, как говорится, вещь будет, человека – нет. У нас есть такая практика.

– Вы не одиноки, – пробормотал адмирал, размышляя. Он, честно говоря, был ошарашен тактическим подходом этого русского детектива и бывшего военного следователя. Такой подход сработал бы пусть не с первым, но со вторым или третьим клиентом. Почему же тогда от его услуг отказались десятки? Ответ был близко – Гриневич применил эту тактику впервые, потому что мог дать гарантию в тысячу процентов; потому что картина была у него; потому что он искусственными неудачами заполнял пространство в той нише, которую занимал. Он не мог впервые выйти на арену и сразу сразить быка. Его бы заподозрили в преступлении.

Наконец-то ему повезло?

Может, и так.

У него не было неудач в плане нераскрытых дел, *он преуспел в плане отказов*. И в связи с первым громким делом все пробелы вскоре исчезнут.

Гриневич шел к поставленной цели с упорством улитки, ползущей к вершине скалы медленно, заставляя окружающих его людей качать головами: «Нет, не доползет. Либо присоска сломается, и он грохнется на землю, либо птица его склюет».

Но он дошел. Спустя два с половиной месяца после заключения договора между адмиралом Клинчем, с одной стороны, и страховой компанией «Артика» – с другой, адмирал не смог сдержать слез радости, рассматривая картину, которую держал в руках. Это была она, и только она. Ему не требовалось никаких экспертиз. То есть эксперт даст заключение, а пока что он засыпал Гриневича вопросами. Тот не отвечал, а отбивался:

– Вы должны помнить одно из условий нашей сделки. Я вернул вам вещь, но не могу назвать имя заказчика или владельца, кому временно принадлежала картина. Что касается исполнителей, то их уже нет. Насколько я знаю, несчастный случай. Никто их, конечно, за кражу убивать не собирался.

– Мои парни замешаны в этом деле?

Гриневич вздохнул:

– Я установил точно: да. Кевин Глостер встречался в местном ресторане с организатором похищения – из Румынии или Венгрии. Он отключил сигнализацию во время обхода здания и впустил преступников в дом.

– Знаете, я точно так же представлял себе картину похищения. Кстати, полиция захочет задать вам несколько вопросов.

– Я не совершал преступления и имею право хранить молчание. Я распутал клубок преступления наполовину, а полиция, которая захочет задать мне пару вопросов, не сделала и половины от этого. Я ни с кем не собираюсь делиться своим опытом и секретами сыска. Я не приму сделку ни с прокурором, ни с судьей, какой бы выгодной она ни была. В крайнем случае я скажу, что картину мне подкинули. Кстати, у меня туго со временем. Полагаю, дело закрыто.

Адмирал протянул Гриневичу руку и крепко пожал:

– Закрыто.

– Расчет произведем после экспертизы. Назначьте ее на завтра.

Адмирал остался один в библиотеке. С этого момента он забыл имена своих пропавших охранников. Он вернул «Желтого Христа». Он смотрел мимо скуластого лица Гогена на первом плане. Прикурив сигару и выпив рюмку коньяка, Майкл Клинч ощутил себя разбитым и счастливым одновременно. Он был взволнован настолько, что почувствовал свой запах пота. Что же, подумал адмирал, он тоже не бездельничал эти долгие месяцы...

Глава 3 Шантаж

1

Москва, два года спустя

Они встретились в небольшом ресторане Москвы, куда часто заглядывали знаменитости; выбор был за Михаилом Курбатовым. Гриневич отгородился рукой от объектива фирменного фотоаппарата: «Не надо меня снимать». Он не хотел еще раз, как в советские времена, попасть на Доску почета. Ему за глаза хватало этой публичной встречи со своим старым товарищем. Причем в этом престижном заведении вначале снимали, а уж потом наводили справки: кто попал в кадр.

Михаил Курбатов только что не спел, провожая соратника к столику: «Ты помнишь, как все начиналось?..»

Курбатов окончил юридический институт. Его работа начиналась на различных должностях в органах прокуратуры. Как и его собеседник, он работал старшим следователем по особо важным делам, но только при Генеральном прокуроре СССР. Находился под подозрением в организации преступного сообщества, группы дискредитации чиновников и представителей органов правопорядка. Позже обвинения с него были сняты, и он стал народным депутатом.

Гриневич любил водку, Курбатов отдавал предпочтение коньяку. Они выпили.

– Слышал, получил солидный заказ.

– Мелочь, – отмахнулся Гриневич. – Заработаю на нем меньше сорока тысяч долларов.

– То есть ты нашел краденую картину, а ее владелец ни в какую не желает отдавать ее...

Милый мой, есть не только суды, но и мальчики с бейсбольными битами.

– Я не знаком с таким контингентом, – поморщился Гриневич. – Мои парни знают, как решать такие щекотливые вопросы.

– Кстати, они неплохо зарабатывают?

– Мог бы платить им больше. Но еще не настала пора. Так зачем я тебе понадобился, Михаил Георгиевич?

– Давай я немного расскажу о тебе, – предложил Курбатов. – Я давно не прокурор, но от прокурорского стиля работы никогда не избавлюсь.

Он откинулся на спинку стула, не обращая внимания на проходящую мимо официантку, ослабил ремень на брюках. И действительно, придерживаясь обвинительного тона, будто выступал на суде, заговорил:

– Итак, страховая компания «Артика». Специализация – розыск и возвращение украденных произведений искусств: картины, скульптуры и так далее. Меня всегда интересовало, с чего начиналась твоя деятельность на этом уважаемом рынке.

– С чего обычно начинается работа? – Гриневич пожал плечами. – С нуля, конечно.

– Вот и я так посчитал: с нуля. Все так думают, так и начинают. Только не ты, Алексей. Ты свою работу начал с минуса. Так просто свои услуги не предложишь, нужно имя, нужно хотя бы одно успешное дело. Как занять клиента, который потянет за собой еще одного, еще, и все они впоследствии перейдут в категорию контактов, связей? Как занять благодарного, что называется по гроб доски, клиента? Как сотворить то, что всегда называлось раскруткой? Я

знаю приемы спецслужб изнутри. Порой они используют провокации, подстраивают ситуации, нередко это спасение ребенка клиента и так далее. И ты не стал отступать от стандарта.

– Хочешь сказать, я пошел на провокацию? – заиграл желваками Гриневич. – Я адвокат, если ты не забыл.

– Помню. Но до того ты был военным прокурором.

– Куда приведет нас этот разговор?

– К своему завершению. Я подбираюсь к концу. Последнее время стали воровать чаще и больше. Особенно – мировые шедевры. Представь себе миллионера, у которого украли картину. Ты узнаешь об этом уже после того, как об этом напишет пресса или за дело возьмется детективное агентство вроде твоего. Пусть даже ты узнал об этом раньше всех. Считаешь, владелец похищенной картины даст это дело тебе, новичку? Да никогда в жизни. Если украли золотую вазу, то, пока ты чешешься, ее переплавят и продадут бесформенным слитком. Если это картина, то она может отсыреть, если будет храниться в подвале, или выцвести, если на нее будут падать прямые солнечные лучи, и в конце концов обесценится.

– Я все еще ничего не пойму.

– Наконец я понял, как ты заполучил первого клиента, заработал первые неплохие деньги, а заодно приобрел репутацию классного сыщика, как твоя страховая компания стала котироваться на рынке так называемых разыскиваемых предметов старины, художественных ценностей. Ты сделал точный, выверенный ход. Боевое ядро твоей команды организовало похищение ценной картины. При этом никто, кроме «Артики», не смог вернуть похищенную ценность владельцу, не раскрывая, разумеется, своих сыскных приемов. Я аплодирую тебе и твоим парням. Кстати, о боевом ядре «Артики». Оно укомплектовано не медвежатниками и специалистами по сигнализациям. Оно состоит из диверсантов, выпускников соответствующих учреждений. И только поэтому они работали четко, без осечек. Они проникали в неприступные с виду жилища нуворишей, обходили самые надежные системы слежения. Отличный выбор.

– Действительно, неплохой, – согласился Гриневич. Он недоверчиво покачал головой. – Неужели ты хочешь обвинить меня в этом стандартном, как ты его назвал, приеме?

– Нет! – живо запротестовал Курбатов. – Конечно же, нет! Если даже все твои клиенты узнают об этом, они будут аплодировать тебе стоя. А ты напишешь книжку «Как я украл миллион» и заработаешь на ней в десять раз больше. В Америке.

– Ты сказал, что от прокурорского стиля никуда не денешься. Вижу, он сошел на нет.

– Перейдем к судьям. – Курбатов немного подался вперед и облокотился о стол. – Все бы ничего, но твоя команда переборщила. Вы редко крали картины и якобы вели их розыск, а потом возвращали владельцам за солидное вознаграждение. Надо отдать вам должное, вы приобрели навыки настоящих сыщиков. Ну а гибкость твоей команды – это отдельная песня. Но вот она оборвалась. Чуть было не оборвалась. Дело было в Швейцарии. Боевики взяли картину, обойдя все системы слежения, и находились у входной двери. Они не ожидали, что вернется хозяйка дома. И вот тут гибкость и уникальность твоей команды дала первый сбой. Диверсанты по своей сути, они отреагировали так, как их учили в спецшколах. Один из них выхватил нож и перерезал женщине горло. Одним точным и очень сильным ударом. Как кукле. Он едва не снес ей голову.

– Я знаю об этом инциденте из газет...

– Убийцу зовут Андрей Вихляев, он лидер группы твоих боевиков. Самый опытный. Окончил школу водолазов в Севастополе, спецшколу в Новороссийске, работал инструктором на Балтике. Даже, как прокурор, я снял бы с него часть вины: он действовал рефлекторно и облегчил бы работу тебе – как адвокату.

Курбатов с минуту молчал, покручивая в сухих пальцах бокал.

– Дело серьезное, – наконец продолжил он. – Швейцарская прокуратура внесла в свой список и твою компанию как вероятного виновника трагедии. У погибшей женщины остались двое несовершеннолетних детей. Теперь к делу. В моих силах представить в прокуратуру Базеля материалы, говорящие о полной невинности твоих боевиков, тебя лично и твоей «Артики».

– Ты забыл объединить людей, организацию и само действие, – еще больше побледнел Гриневич.

– Вижу, тебе нужно подумать.

Гриневич рассеянно пожал плечами. Он не мог сосредоточиться на простейших мыслях. Они витали, как голуби. Алексей встрепенулся. Кто сказал про голубей? Вроде бы в голове прозвучал голос Андрея Вихляева...

Сколько времени прошло – пять, десять, пятнадцать минут?..

В ресторане, словно дым, повис голубоватый будто свет, просачивающийся с прозрачного дна-пола.

Гриневич всегда славился своей выдержкой, но едва не зашелся в нервическом смехе. Его лицо осталось непроницаемым. Он вдруг сосредоточился на мелочах. Официанток он называл стандартно – девушками, а Курбатов – барышнями; Гриневич девушек приглашал на танец, Курбатов предпочитал их ангажировать; Гриневич предупреждал, что идет в туалет сполоснуть руки, Курбатов – отлить или попудрить свой член.

И только сейчас эти мысли, похожие на бред, родили возглас: «Вот это я влип!»

– «Мужчина с веткой вербы». Слышал о такой картине? – спросил Курбатов.

– С каких это пор ты начал интересоваться произведениями искусства? – наконец спросил Гриневич. – Слышал, конечно. Картина без подписи автора. Написана она в 1888 году, до недавнего времени находилась в частной коллекции в Питере.

– Кстати, твои люди меняют почерки работы? – Курбатов намеренно резко сменил тему разговора, словно дал коню шпоры.

– Разумеется, – не сразу ответил Гриневич. – Иначе нас давно бы раскусили. В Интерполе разрабатывают до десятка банд, специализирующихся на ограблениях. Тогда как организация одна.

– Картина, о которой я говорю, – банальность. Ты точно отметил – 1888 год. Многие выдающиеся полотна датированы этим годом. Почему? Был всплеск? Выброс солнечной энергии, грызня, пошлая конкуренция?

Гриневич не ответил на вопросы. Он внимательно слушал собеседника и пришел к выводу: ни ему, ни его якобы знакомому картина, датированная «знаменитым» годом, не нужна. Что же остается? Владелец картины?

– Меня интересует владелец картины, – легко озвучил чужие мысли Курбатов. – Леонид Василевский. Личность известная. В большой политике оказался из конъюнктурных интересов. В Кремле полагали, что бывший участник афганской войны будет вести не менее решительные политические баталии в парламенте, чем на поле боя. Однако он первый заявил о махинациях на государственном уровне, связанных с поставкой вооружения в Азербайджан на сумму свыше двух миллиардов долларов. Мы обеспокоены и тем фактом, что Василевский, как глава Комитета по вопросам обороны, и дальше будет щеголять своей генеральской прямолинейностью. – Курбатов презрительно сморщился. – Он не гибок в политике. Госдума позволила увидеть Василевскому много негативного, что из армейских рядов им не просматривалось, точнее воспринималось в эфемерном свете жизнеутверждающих заявлений высших должностных лиц. Я представляю людей, которые не нашли ничего лучшего, как изолировать Василевского. Я бы сам задушил его в вонючей подворотне голыми руками. Но убийство свяжут с его деятельностью и статусом политика. Тень падет на очень высоких людей. Они же, как и я, не любят теней.

– Ты говоришь от их лиц?

– Я всегда говорю только от своего лица. Иногда делаю ссылки, сравниваю. Если ты спросишь, важно ли это для общего дела, я отвечу: важно для меня.

– Какой же мотив тебя устроит? – спросил Гриневич, уже точно зная, какое предложение ему сделает Курбатов. – Убийство на бытовой почве?

– Нет, – покачал головой бывший прокурор. – Это значит, жертву заказали. Поковырялись в его вещах, бросили с испуга цацки и побрякушки на пороге его квартиры.

– Не перечисляй дальше. – Гриневич развел руками. – Ты обратился не по адресу.

– Ты так считаешь? – Курбатов обаятельно улыбнулся официантке с огромным бантом чуть ниже пояса и проводил ее лениво-похотливым взглядом. – Один миллион долларов тебя устроит? Не отказывайся от предложения, иначе отработаешь на меня бесплатно. Не вставай в позу. Я объясню на пальцах. Во-первых, я точно установил, что Василевский получил в дар картину из частной коллекции бывшего блокадника...

Курбатов довольно долго объяснял прописные истины, хотя Гриневич распознал арию с пол-аккорда.

– Планируешь убийство под воровство?

– Я увеличу ставку до полутора миллионов. – Курбатов выложил на стол несколько листов бумаги. – Не переживай, расписку с тебя я не требую. Здесь планировка дома Василевского, расположение сигнализаций и их работа. И главное – картина, которую ты должен похитить. Картина висит здесь, над изголовьем генеральской жены. Твои парни проникают в дом как *профессиональные воры*. Вот этот момент очень важен. Они снимают картину, а дальше – они сами выберут место – на шумят. С этого момента будут готовы убить генерала кухонным ножом, столовой вилкой, не знаю... Пусть Вихляев снесет ему башку крышкой от кастрюли. Картина должна остаться в доме, на подходе к дому – грабители бросили ее, испугавшись убийства. Я еще раз акцентирую – профессионализм, своеобразный почерк представит следователям однуединственную версию. Только одну. Об этом должна кричать любая деталь...

– Пока что кричишь ты.

Курбатов понизил тон.

– Это будет первое убийство, которое ты организуешь. В противном случае первым убийством и станет первое – в швейцарском Базеле. Заодно проверишь, как будут действовать твои люди в такой обстановке. Они входят в дом, проникают в спальню, где якобы находится объект их посягательства – картина. И нарываюся на огонь хозяина. У него, кстати, имеется наградной пистолет.

– Идеальное убийство? – усмехнулся Гриневич.

Курбатов пожал плечами.

– Его мотив надежно прячется за версией ограбления, ибо все будет свидетельствовать за это: тщательные приготовления, работа в группе, отключение сигнализации, знание объекта. Убийства так не планируются, а если планируются, то раскрываются, на то указывают все детали, описанные выше; все-таки ограбление – это не убийство. Это еще и знание психологии: хозяин окажет сопротивление, а похитители убьют его.

Гриневич понимал, к чему клонил его старый друг. Он предлагал создать неуловимую банду, которая крадет и убивает.

Уже на сегодняшний день у Гриневича появились обширные связи, в том числе и за границей. Он возвращал похищенные ценности хозяевам крупных предприятий, боссам даже криминальных группировок, которых чистота сделки и работы не волновала. Он мог потребовать от них услуг, поскольку намеренно снижал ставки и приумножал свой риск, делал все, чтобы его клиенты были ему обязаны. Он мог потребовать от них услуг, что обговаривалось во время неслучайных встреч.

Обговаривалось?

Во время неслучайных встреч?

Вот этот момент отчего-то стал переломным. Гриневич принял предложение Курбатова. Может, оттого, что устал от прямых и завуалированных угроз. Оттого, что тщательно охраняемая тайна перестала быть тайной. Или оттого, что у него не было выхода? Во-первых, у него не было времени проверить источники Курбатова, откуда берет начало его осведомленность в «швейцарском деле», прикинуть, есть ли у него досье на «Артику».

– Серия, – Гриневич слабо сопротивлялся. – Следствие установит серию и похоронит легенду о случайных убийствах.

– Рано думать о сериях. Пока принимай заказ на одно убийство. Не переживай, о втором ты услышишь не скоро.

И Курбатов подал кому-то знак. Повинуясь его жесту, к нему подошел человек лет тридцати в деловом костюме.

– Открой.

Подчиненный положил на край стола кейс-атташе, шелкнул замками дорогого чемоданчика и отступил на шаг.

Сами деньги не произвели на Гриневича особого впечатления – он видел намного больше. На его счету в Национальном банке Испании лежало содержимое десяти таких кейсов. Вряд ли его приманивала перспектива работы с бывшим следователем прокуратуры. Даже одна-единственная сделка с ним была чревата многими неприятностями. И чтобы не нажить их в дальнейшем и в этом плане сорвать надежды Курбатова, Гриневич сам закрыл крышку кейса, снял его со стола и поставил под ноги.

– Сроки? – спросил он, переходя на деловой тон.

– Не стоит затягивать с этим делом.

Гриневич не помнил, на чем закончился их разговор, как они распрощались. Но его затылок долго ломило от чужого взгляда...

2

...Его план противодействия родился спонтанно. Он предчувствовал цепь неприятностей, и если не предпримет жизненно важных шагов сейчас, то после, второпях, будет поздно. Он не найдет человека, на которого можно будет опереться. Он сделал ставку на Костю Романова. К выпускнику балтийской разведшколы он присматривался давно, ничьими рекомендациями не пользовался. Он предложил ему место в команде, и Костя отработал в ней всего три месяца. После кражи «Желтого Христа» Гогена Романов отказался участвовать в подобных акциях. Однако спустя год и восемь месяцев попросил Гриневича «восстановить его в должности детектива». То есть Романов вернулся в команду до того злополучного происшествия в Швейцарии, и он об убийстве швейцарки ничего не знал.

В этот же вечер Гриневич сам убрал Романова из команды. Но прежде состоялся разговор с боевиками. Введя их в курс дел, не сводя глаз с главного виновника – Андрея Вихляева, Гриневич в упор спросил:

– Романов справится?

Он заранее готовился услышать отрицательный ответ. Потому что ответ положительный для всей команды означал приобрести еще одного человека, знавшего об убийстве в швейцарском доме.

– Нет, – Вихляев быстро покачал головой.

– Почему ты так уверен?

– Румын нестабильный. Захочет – придет, захочет – уйдет. Он вроде как сторонится нас, парень сам себе на уме.

– Нет, он не сторонится, – вступился за товарища Ветеран.

– Итак, ваш ответ...

– Мы идем на дело втроем, – ответил за всех командир.

Гриневич хмыкнул:

– Ты так быстро вручил черную метку Романову лишь потому, что уже поделили его долю?

...Гриневич прощался с Костей под дождем. Они стояли у машины. Гриневич, словно собрался ударить Романова – так крепко он держал его за грудки, и отчеканивал каждое слово:

– Я убрал тебя из команды, потому что мне предложили дерьмовую работу. О ней знать тебе не положено. Потому что увидели, что моя команда стала уже не той. Держись всегда рядом, Костя. Заведи свое дело и помни, что эти деньги, – Гриневич передал Романову пакет с пятьюстами тысячами долларов, – твой начальный капитал. Ты отработаешь их. Отработать их будет означать следующее: всегда быть готовым к неожиданностям. Ты ничего не должен мне в материальном плане. Я подскажу, куда вложить деньги, чтобы сделать из тебя преуспевающего человека. Возможно, тебе придется убить одного подонка, возможно, их будет больше. Ты убивал когда-нибудь?

– Мне однажды сказали: если ты убил, никому не говори об этом.

3

Неделю спустя

Выдержка из статьи российской газеты:

«Трагическая гибель лидера военной оппозиции Леонида Игоревича Василевского в ночь на 1 сентября сделала его имя значимым в политической жизни России. И дело не только в том, что обстоятельства убийства еще долгое время будут оставаться таинственными: версии гибели на бытовой почве противоречат предположениям о политической подоплеке заговора против непримиримого борца за социальную справедливость. У каждой из сторон есть свои аргументы. Но версию политического теракта разбивают сообщения о том, что в километре от дачи генерала найдена картина; эксперты утверждают, что это подлинник картины «Мужчина с веткой вербы» неизвестного автора. Напомним, что эта картина была передана в дар Леониду Василевскому ветераном Великой Отечественной войны. Эксперты утверждают: почерк неизвестных убийц скорее указывает на ограбление, а убийство было совершено «по неосторожности». За эту версию выступил и депутат Госдумы Михаил Курбатов. Он также заявил прессе: «Достоверная картина той трагической ночи вряд ли когда-либо будет восстановлена во всех деталях. Но в данном случае над бытовой версией не будет довлеть версия политическая».

Глава 4

Нож в спину

1

Московская область, четыре года спустя, наши дни

Гриневич не собирался созывать экстренное совещание. Как правило, он остановился на командире боевой группы. И начал со стандартных слов:

– Андрей...

– Да, Алексей Викторович.

– Курбатов, эта сволочь, этот подонок...

– Что? – округлил глаза Вихляев, занявший лучшее место в офисе – у окна.

– Он планирует еще одно убийство.

– Блин... – вырвалось у командира группы. – И чтобы мы снова замаскировали убийство под ограбление?

Гриневич кивнул: «Да».

– Нам же серия корячится, Алексей Викторович. И последняя операция закончится раскаянием отрицательных героев. Кто клиент? – после паузы спросил Вихляев.

– *Неважно!* – психанул Гриневич. – Меня больше всего волнует ваш почерк. Времени у нас мало, его нет для подготовки.

– Что вы предлагаете, шеф? Разбежаться? – спросил Вихляй. – Лично мне жалко терять не такую работу – работу можно найти в слесарной мастерской, я по этой жизни скучать буду. Я скисну, как от плевка в душу.

Вихляй говорил искренне. А Гриневич впервые пожалел не о том, что вовлек этих парней в преступный бизнес, а посадил их на него. Ему показалось, он нашел выход из этого положения.

– Разбежаться мы не станем. Мы пойдем на задание. Но с одним условием. Аванс нам выдали...

– Выдали? – глаза Вихляя блеснули. – Сколько?

– Пятьсот «штук». Этими деньгами и ограничимся, – Гриневич осадил командира. – После нашего разговора можешь созывать «военный совет» и страшать: «Кто против – поднимите руки и валите к чертям собачьим». Мы и без вас «доберем» денег на следующей операции.

– Кто клиент, шеф?

– Если я назову его имя, это что-то изменит?

– Как это? – не понял Вихляев.

Гриневич с минуту молчал.

– Ты знаешь, что Курбатов состоит в политической партии. Он участвовал в предвыборных кампаниях на всех уровнях, включая выборы мэров городов. Он брал бюджет города, например восемь миллиардов долларов, и требовал с кандидата в мэры откат, равный четвертой части бюджета. Как правило, наживал врагов. В этот раз кандидат в мэры пообещал ему «телегу». В прокуратуру. Причем в любом случае, даже жертвуя своим местом.

– Так как фамилия клиента? – повторился Вихляев. И его выгоревшие брови поползли вверх, едва босс тихо выговорил имя Михаила Курбатова:

– Клиент – заказчик.

– Курбатов?!

– Нам нужно убрать эту гадину, чтобы он не убрал нас, – сквозь зубы с ненавистью прошипел Гриневич. – Чтобы прекратить эту нескончаемую серию убийств. Убрать так, как и планирует сам этот ублюдок, – маскируя убийство под ограбление.

– Швейцарка – раз, – начал загибать пальцы Вихляй, – генерал Василевский – два. Теперь – Курбатов. Или мэр, если мы примем предложение. Голимая серия. Я уже молчу о «тюленях» из Майами.

Гриневич встал, глянул на часы, пару раз прошелся по комнате, потом вдруг куда-то заторопился:

– Поговорите наедине.

– С кем?

– С Паниными, с кем же еще? – удивился вопросу Гриневич.

Вихляй как-то странно улыбнулся:

– Они не согласятся.

– Как это – они не согласятся? – опешил Алексей.

– Мы шесть лет работаем вместе. Мне ли не знать.

– Что же нам делать? – У Гриневича опустились руки.

Вихляева осенило. У него даже голос сел, когда он сказал:

– Панины не узнают правды. *Они пойдут на ограбление.* На ограбление, понимаете? А когда я разберусь с Курбатовым, то куда им деваться?

– А если они что-то заподозрят?

– Положитесь на меня. Жаль, не смогу проникнуть на объект в одиночку, только с командой, – посетовал Вихляев. – Сколько у нас времени на подготовку к операции?

– Неделя.

Вечером Гриневич встретился с Курбатовым и поставил ему жесткое условие:

– Это в последний раз, Михаил Георгиевич. В последний раз, ты меня понял?

– Конечно, дорогой, – улыбнулся Курбатов.

– Никуда не уезжай из города. Сразу после работы – сразу, понимаешь? – ты полностью рассчитываешься со мной.

– Кстати, ты сам-то куда не собираешься?

– Мне к заданию готовиться надо.

2

Неделю спустя

Ночь. Лай соседских собак. Яркий свет в гостиной загородного дома Курбатова, темные окна в спальне на втором этаже. Головной боец, вооруженный бесшумным пистолетом «вул», воспользовался зеркальцем на телескопическом удлинителе и осмотрел двор, не влезая на забор. Сложив телескопичку, он молча кивнул товарищу: «Давай». Тот размотал скатку – состеганное втрое байковое одеяло, и с помощью товарища набросил его на гребень забора, усыпанного битыми бутылками. Третий боевик присел, широко раздвинув ноги, и сцепил руки в замок. По его знаку головой сначала забор преодолел лидер группы, затем второй боец. Замыкающий поднял руки, и его втянули на гребень последним.

Проникнув во двор с правой стороны дома, боевики распределили сектора обстрела.

Тройка бойцов заранее ознакомилась с планировкой здания и, выявив ряд защитных электронных устройств, приготовилась к контрмерам. Сейчас все трое по заранее состав-

ленному плану передвигались от укрытия к укрытию, скрывающему их от глаз сотрудников охраны, находящихся в доме.

Они прошли вдоль западной стены здания, остановились. Командир снова воспользовался зеркальцем и оглядел очередной участок, который им предстояло пройти. Самый опасный, поскольку охранялся он собакой.

Огромный дог будто заранее определил свою охраняемую территорию и к забору, даже если бы заметил там опасность, вряд ли двинулся бы, а дал знать отрывистым лаем. Но в этот раз крупная служебная собака даже не повела носом в сторону забора, она обращала нос в сторону, укрывающую от ветра.

Лидер группы показал Ветерану: «Приготовься. Выйдешь по моей команде».

Вихляй снял бесшумный пистолет с предохранителя и поднял его на уровне плеч.

Выждав несколько секунд, Панин резко появился из-за угла дома и оказался на прилично освещенном участке. Своими быстрыми действиями он настроил собаку на сходные ответные меры. Огромный дог не зарычал, неожиданно увидев чужого, лишь оскалил клыки и наморщил нос, готовясь к предстоящей бойне.

Вихляй уже держал его на мушке, но стрелять не спешил. Выстрел в голову сложен и опасен: потому что собака, получив единственное, не смертельное ранение в голову, заскулит.

Вихляй, чувствуя прилив адреналина, тронул Панина за плечо. Тот сделал еще один шаг в сторону, словно не замечал собаки, и тем самым заставил ее совершить роковую ошибку. Хорошо дрессированный пес поплатился за это своей жизнью. Он показал стрелку бок, как показывает борт парусник вооруженному носу корабля противника. Вихляй стрелял по движущимся и стоячим мишеням одинаково хорошо. Он четырежды нажал на спусковой крючок, поводя стволом и целясь собаке в сердце. Трижды она могла заскулить и рухнуть замертво, но всякий раз ей мешало это сделать очередной выстрел, очередная нестерпимая боль в боку...

– Готов... – не без сожаления прошептал Вихляев, опуская пистолет. Глядя на неподвижное тело пса, под которым начала разползаться кровавая лужа, он сменил обойму спецпистолета, рассчитанную на шесть патронов.

Трое боевиков в черной униформе приготовились к очередному этапу операции, где им противостоял пока что один противник – электронный глаз камеры видеонаблюдения.

Они прошли к «красному» краю здания, вплотную к стене, внутри низкой кованой изгороди, и остановились за углом. Казалось, они собираются повторить прежние действия. Только в этот раз на первый план вышел Юниор. Вооруженный мелкокалиберной винтовкой, он выглянул из-за угла и пару секунд изучал обстановку. Собственно, он смотрел из-за правого, фасадного угла здания на въездные ворота и каменное строение контрольно-пропускного пункта. Дремавший в нем охранник находился лицом к фасаду.

Новый тип затвора «мелкашки» «СВ-99» и ее ювелирное украшение – тактический глушитель – делали ее практически бесшумной. Панин был готов к выстрелу через распахнутое окно КПП, но не спешил – снимать часового или охранника – дело последнее. Как говорил Вихляй: «Во время спецоперации можно простить только одно – неточный выстрел».

Вихляй присел на колено, вынул из походного ранца сканер и включил его. Пока «Рапискан» загружался, он успел мысленно поблагодарить бывшего члена команды Костю Романова. Работу сканера английской фирмы, предложенного Романовым для работы, порой трудно было переоценить. «Рапискан» позволял обходить преграды там, где заметить их было невозможно.

Вихляй заслонил свет от жидкокристаллического монитора и включил автоматическое сканирование. В левом углу монитора на всплывшей вкладке замелькали цифры – видеочастоты, определялась скорость потоков в нормальном, наиболее выгодном режиме, при котором качество сканирования математически не уступало качеству, обозначенному как «Эйч-0», лучшему, но самому медленному.

В противоположном углу экрана на итоговой вкладке стали появляться первые результаты.

Прошли восемь минут. «Рапискан», оборудованный приемной и передающей антеннами, обнаружил на объекте четыре камеры видеонаблюдения и вывел изображения с них на четыре экрана сканера, которые программное обеспечение распределило «плиткой».

Вихляй видел то, что видели на своих мониторах операторы. Изучив сектора наблюдений с каждой камеры, определив границы их возможностей радиальными линиями, Вихляев наметил план действий.

Три камеры – одна на фасаде, две внутри дома, не имели поворотных станков и выдавали статическую картинку, словно панорамный лист, шаблон художника-мультипликатора, на котором вот-вот появится персонаж. Четвертая же, смонтированная на будке КПП, имела так называемую секторную скорость. Поворотный станок этой камеры словно описывал радиус-вектор движущейся точки.

Оставив без внимания изображение с этой камеры, Вихляев сосредоточился на трех других. Фасадная показывала въездные ворота, ее площадь сектора покрывала едва ли половину общей площади парадной части двора. Вихляй видел лишь одного охранника – оператора – в будке. Что делают его коллеги – узнать было невозможно. Лишь в том случае, когда один из них покинет рабочее место и окажется перед камерой. А скорее всего – операторский пульт один. Экранов и видеокамер поровну – четыре.

Вихляй вызвал меню, выбрал опцию «Запись», выделил все четыре камеры, за частоты которых намертво вцепился сканер, и, не теряя времени, нажал на клавишу «Запись».

Боевики за эти несколько минут не проронили ни слова. Они всегда работали втроем, не считая водителя-оператора. Он сейчас находился в машине с мощными активированными антеннами и облучателями. Марки «Газель» микроавтобус находился в трехстах метрах от объекта и в пятидесяти от КПП вневедомственной охраны. На его борту красовались надписи:

СПУТНИКОВОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ.

УСТАНОВКА. РЕМОНТ.

КРУГЛОСУТОЧНО.

ПРОЩЕ ПИЦЦЫ.

Приемная антенна в машине получила сигнал. Оператор по имени Сергей Геншин проследил за началом записи одновременно на четыре носителя. Не сводя глаз с небольших мониторов и показаний индикаторов записи, он ответил на телефонный звонок Вихляева.

– Восемь минут записи. Понял?

– Восемь. Понял, – по-военному ответил Геншин.

Прошли ровно восемь минут. Оператор остановил запись. На всякий случай синхронизировал все четыре полученных видеофайла вручную, гарантируя отсутствие помех в начале воспроизведения, убрал видеотишину с каждого ролика также в самом начале. На своем оборудовании он, рискуя, включил опцию – пропускать трек, если во время его воспроизведения возникнут ошибки. Однако смычка «Рапискан» – спутниковое оборудование в плане ошибок

синхронизации никогда еще не подводила. Но помехи и появление в кадре в ходе сбоя системы вооруженных людей – почти одно и то же. В одном случае – это плюс группе, которая при сбое срывалась в открытый бой, в свою вторую стихию.

Напоследок Геншин отрегулировал нормализацию сигнала до установленного. То есть исключил возможность отличаться копии от оригинала (в данном случае имелось в виду реальное время), повышения или понижения пикового уровня записи.

Вихляй взял управление процессом на себя. Отсчитав пальцами до пяти, он нажал на сканере кнопку воспроизведения. В тот же миг приемная антенна сняла сигнал с беспроводной связи, а передающая антенна не дала выползти зловещей видеотишине, и сканированные частоты заполнили сразу четыре сигнала.

– Сука! – оператор в машине выругался. – Сука подонистая! – Тщательно выбрав место, Геншин ударил кулаком по металлической стойке. Он сто раз просил Вихляя: «Дай мне нажать на кнопку!» Бесплезно...

Вихляев тем временем убрал «Рапискан» в ранец и первым вышел на свободную от видеонаблюдения зону. Оператор в доме видел ворота, парковочную площадку, забор, строение КПП, которое чаще всего называли будкой. Но не видел одетого в черную униформу боевика, который отлаженными и сотни раз отрепетированными действиями словно швырнул его на несколько минут назад и заставил смотреть то, что он уже видел.

Дремлющий охранник распахнул глаза в тот момент, когда Вихляй был в шаге от него. Еще одно мгновение, и лидер группы распахнул дверь. Предупредил его громким шепотом:

– Тихо! Иначе так и не узнаешь, кто я.

– Я знаю, кто ты.

Вихляй обалдел. Он во все глаза смотрел на здоровенного парня лет двадцати семи и в упор его не узнавал. И задал вопрос, на который получил глупый ответ.

– Ты мой наставник, – произнес парень. – Просто я не узнал тебя в маске.

Вихляев довольно громко рассмеялся. Его смех затих в тот момент, когда он наотмашь рубанул парня по шее. И добавил в то же место широченной рукояткой пистолета. Обезоружив его и связав скотчем, он вышел из будки.

У центральной двери дома уже стоял на коленях Ветеран и колдовал над замком. Он открыл его с помощью электронной отмычки, когда все трое оказались в одном месте.

– Теперь дело за тобой, – сказал Ветеран, уступая место командиру группы. – По данным шефа, дом напичкан детекторами движения. Датчиков нет разве что в спальне и толчке. Как ты собираешься их отключить?

– Тихо! – Вихляй наигранно выкатил глаза. – Прием! 59-й, переключайся на верхнюю антенну. Взлет разрешаю. Когда выкатишься на взлетную полосу, не забудь смотать глассаду в электронный клубок.

– Крыша съехала?

– Я окосел, тарашась в бинокль эти четыре дня. Там, где свет горит, летает попугай и гадит на датчики. Летающий попугай и датчики движения несовместимы. Думаешь, там, где света нет, датчики включены? Хорошо иметь такого командира, как я, правда? – похвалил себя Вихляев. – Он-то всегда выручит.

Юниор поправил за спиной брезентовый чехол.

– Какую картину берем? Что-то шеф в этот раз ничего не сказал на этот счет.

– Нам не все равно? Снимем любую. Там нет ни одной дешевле миллиона.

– На шутки пробило? – сощурился Панин.

– Шучу, – посерьезнел Вихляев. – Заказ – «Женщины Бретани на зеленом лугу» Бернара.

Гостиную они прошли на одном дыхании. Юниор с винтовкой, где вместо штатного приклада он установил пистолетную рукоятку, первым ступил на лестницу. И остановился посредине пролета, заняв своеобразную высотку: он контролировал оба выхода со второго этажа и

прикрывал одного из двух напарников. Вот сейчас он надежно прикрыл старшего брата, а тот в свою очередь видел в прицеле бесшумного пистолета спину удаляющегося от него командира.

Согласно точному плану дома, распорядку жильцов, гостей, obsługi и прочего, без чего невозможно ни одно ограбление, помещение с аппаратурой слежения находилось справа от столовой, за неприметной дверью, в смежной комнате без окон. Один охранник находился за монитором, еще один или двое находились рядом в полной боевой готовности. Дальше по коридору, где основное здание широкой аркой соединялось с флигелем – раньше отдельной постройкой, – находилась кухня и, в частности, комната отдыха телохранителей Михаила Курбатова.

А пока Вихляй вплотную подошел к офису слежения, прислушался. Не оборачиваясь лицом к товарищу, уже легко ориентируясь в этом доме, он махнул рукой: «Ко мне!»

В таких богатых домах они чувствовали себя, как в своих квартирах. Разные – более роскошные, с иной планировкой, оснащенные иными типами сигнализаций, способом охраны, – они для команды Вихляя были на одно лицо. Конечно, бывали и запоминающиеся дома и виллы, неповторимые – как кораллы на Мальдивах.

В офис охранников входили парой. Вихляй открыл дверь и шагнул в сторону, давая дорогу напарнику. Оба мысленно поделили помещение на две части, ограничивая свой сектор обстрела ради безопасности партнера.

Ветеран красиво держал в руках пистолет, классически, как учили: двумя руками, локти разведены и готовы принять на себя отдачу при выстреле. Он не мог промахнуться – это понял первым старший оператор. Он поднял руки по команде Панина. Другой повторил его движение и на предложение другого боевика «лучше не дергаться» ответил:

– А у меня есть выбор?

И все же бросил взгляд на экран. Точнее, снова посмотрел на него. Он не мог понять, как прошли незамеченными эти люди вот этот участок, от столовой до офиса, который чуть ли не «насквозь» просматривался видеокамерой. С ее помощью он знал о молодой хозяйке дома не то что больше ее мужа, а, как говорят американцы, больше ее личного гинеколога.

Он ничего не понимал. Все четыре камеры работали исправно, не было даже намека на сбой, помеху, в противном случае офицер подал бы сигнал тревоги.

Панин бросил моток липкой ленты ему на колени.

– Свяжи товарища.

Через пару минуту они оба были гарантированно обездвижены.

Вихляй вышел на связь с водителем и обменялся с ним информацией, заодно успокоил:

– Четыре минуты. Не спишь?

– Четыре минуты. Мафия не дремлет, – сострил Геншин. – Как идет игра? Судя по времени, вы не торопитесь.

– Не волнуйся. На финише заиграем так, как обещали на старте.

– О'кей. Запись продлится еще три минуты и... сорок секунд.

– На нас уже некому смотреть. Мы на них смотрим. До связи.

Чтобы камеры слежения не зафиксировали боевиков в случае непредвиденной задержки, Панин грубо вывел аппаратуру слежения из строя и первым покинул помещение.

Вихляй шел за ним, держа бесшумный пистолет в опущенной руке. Поднялся по лестнице, дружески тронул за плечо Юниора и шепнул ему на ухо:

– Оставайся на месте.

До спальни четы Курбатовых оставалось меньше десяти метров. Вихляй, на мгновение прикрыв глаза, отчетливо представил: вот он проходит мимо широкой туалетной комнаты, минует внутреннюю, богато убранную гостиную, приближается к смежной комнате со спальней кроватью, пузатыми тумбочками, ночниками, огромным платяным шкафом. Он сейчас

остановился напротив двери, ведущей в роскошный дом, отдельную квартиру, неповторимый мирок, где стены украшены полотнами великих, известных, просто модных мастеров.

– Согласно инструкции шефа его жены нет дома, – услышал Вихляй хрипловатый голос Панина. И ответил ему вроде как невпопад:

– Иногда инструкции могут сбивать с толку. – Пауза. Короткий взгляд на товарища: – Ты или я?

Панин пожал плечами.

Вихляй кивнул:

– Хорошо, я.

Он открыл дверь.

На широкой кровати лежали двое. Он и она. Он, по-видимому, голый, наполовину укрыт одеялом, она в шикарном фирменном белье и поверх одеяла. Она не спала. Читала какую-то книгу. Она не сразу сообразила, что происходит, что это за люди в черном обмундировании, чего они хотят. Она походила на свою собаку, которой не позволили даже заскулить.

Было странно, жутко видеть эту женщину и вооруженного незнакомца в маске, обменявшихся взглядами. Ее губы спросили: «Можно разбудить мужа?» Его полные красные губы в прорези маски ответили улыбкой: «Да». Они были словно давно знакомы, написали сценарий, составили план нападения, и теперь оба, неотрывно глядя друг на друга, вместе подходили к финалу, к кульминации. У нее даже перехватило дыхание, задрожали руки, заныл низ живота, когда она, отложив книгу, коснулась плеча мужа. И – получила грубый сквозь сон ответ: «Пошла вон!»

Вихляй улыбнулся. Шагнул к двери. Высунувшись наполовину, позвал жестом руки Юниора, все еще держащего «высотку» на самом верху лестничного марша. Спросил себя: «А как же инструкции? Что там нам вдалбливали в учебке? Если группе приходится разделяться на части, то только тогда, когда опасность возникает в зоне ответственности партнера и он эту опасность не видит или не может ликвидировать в одиночку». Ответил: «К черту инструкции. Они сбивают с толку».

Инструкции сбивают с толку.

Вихляй кивнул женщине:

«Буди своего борова».

«Но я уже пробовала».

«Попробуй еще раз».

На этот раз она была по-настоящему испугана. У нее в ногах стоял человек, вооруженный пистолетом. Сбоку кровати – вооруженный таким же типом пистолета второй бандит. И – новая волна страха: в комнату вошел еще один боевик с коротким ружьем. Командир кивнул ему: «Топай к кровати».

И – снова поймал взгляд женщины. Он словно приковал ее к себе, и она увидела короткое движение, будто он обрывал короткую цепь...

Вихляй указал младшему товарищу на картину, висевшую над кроватью. И тут его взгляд, словно жало змеи, раздвоился. Он смотрел и на Панина, снимающего полотно, и на женщину. По ее красивому лицу разлилась горечь разочарования – он видел это так отчетливо, словно в комнате горел не торшер, а десятки софитов, освещающих кровать спереди и сверху. Он увидел и ее искривившиеся губы, и глаза, которые ненавидели его за слабость. Он был жалок... со своей картиной!

Картина...

Ее сняли, украли, стащили, что там еще? – так просто, банально, будто вырезали ножницами картинку из старого букваря...

Вихляй не был жалок. Он не фантазировал, не бредил, он попробовал придуманные им ощущения, словно на вкус, и он ему понравился. Он перешел на грубость, когда подумал, глядя в глаза женщины: «Я кончил, что же ты медлишь?»

Он вскинул пистолет и, коротко прицелившись, выстрелил в грудь Ветерану. Тут же хладнокровно убил Юниора, выстрелив ему в затылок. Юниор упал как подкошенный, словно у него из-под ног выдернули ковер. Падая, он выпустил картину, словно бросил ее, и она упала между людьми, лежащими на кровати.

В третий раз Вихляй сместил ствол пистолета, когда хозяин резко сел на постели. Женщина зажмурилась, а стрелок неожиданно опустил вооруженную пистолетом руку.

Свободной рукой он вынул из кармашка униформы спутниковый телефон и, почти не глядя на экран, выбрал из списка номер. Услышав голос Гриневича, передал условную фразу: – «Женщины» с нами. Накрывайте поляну».

Услышал тяжкий и в то же время облегченный вздох. И – выдох:

– Молодцы...

Вихляев отключил связь, бросил трубку на кровать и сказал Курбатову:

– Если ты еще в состоянии говорить, вызывай сюда своих близких. Не тех близких, о которых ты подумал, не нервничай. Не больше пяти человек. Если они приведут ментов, я убью тебя, потом твою шлюху. Как мне и было приказано. Что будет со мной – мне плевать. Я переживу тебя, и эта мысль скрасит мою смерть. Не надувай щеки, от тебя уже ничего не зависит, от твоих друзей – да.

Вихляй неодобрительно покачал головой:

– Еще один косой взгляд на меня, и я приправлю натюрморт над твоей головой твоими мозгами и гляделками. – Кивнул подруге: – Выпить есть?

– Да, – ответила она с готовностью и, прежде чем встать с кровати, спросила разрешения: – Можно?

– Нужно...

Она встала.

– А ты красивая, – по достоинству оценил ее фигуру спецназовец.

Глава 5

Цветной автограф дня

1

Через полчаса Андрей Вихляев сидел в окружении нескольких человек...

Кто-то сказал:

– Принесите ему водки.

Он выпил полстакана.

– Дайте ему закурить.

Ему дали сигарету. Он спросил:

– А как насчет перепихнуться с хозяйкой?

– Заткнись. Иначе недосчитаешься зубов.

– Однажды я чуть недосчитался глаза. А ты – зубы...

Он выкурил сигарету... и вдруг понял, что уже минуту или две смотрел на этих прилично одетых людей ровно, не свысока, а с позиции человека... пришедшего вовремя. Кого-то еще нет, кто-то пришел рано и уже все места перечесал, даже втихаря нюхает свои пальцы. А он здесь, даже на часы посматривает. От него приятно пахнет новой маркой «Босса», он упакован, он знает себе цену и готов вывернуть подштанники, чтобы все ахнули, увидев ценник и лейбл. Все собравшиеся в этой роскошно обставленной гостиной были одного поля ягодами.

Он поздоровался и сказал:

– Не знал, что вас соберется так много.

Человек лет сорока пяти, с седыми, аккуратно подстриженными бачками сказал не без насмешки:

– Ты на брата Джулии Робертс похож. – Щелкнул пальцами и досадливо наморщился. – Черт, все время забываю его имя.

Курбатов снизошел до того, что подошел к дорогой тахте, стоящей в углу спальни, куда усадили гостя.

– Так тебя зовут?.. – Он вопросительно приподнял бровь.

– Эрик, – назвалсЯ Вихляй, неотрывно глядя на седоватого ловеласа. – Эрик Робертс. – Поиграв глазами и облизав губы, он добавил: – Очень-очень близкие называют меня Джулией.

Он начал дерзить, но не мог остановиться. Ему помог Курбатов: легонько взяв за рукав униформы, отвел его в сторонку.

– Говори, – тем же звучным, приятным тембром потребовал он.

– Тебя хотят убрать.

– Хотели – это ты хотел сказать?

– Ага, это. – Вихляй сморкнулся себе под ноги, на персидский ковер. – Под ограбление.

Комар носа не подточит.

– Причина тебе известна?

– Ты что-то не поделил с моим боссом. Один из вас дал задание другому убрать таким же макарон еще одного делопута. Мой начальник ошибся. Он решил, что завязал с убийствами, когда в Швейцарии случайно была убита женщина. Он же посчитал, что его люди – мое боевое ядро – убили впервые.

– Ты убивал раньше?

– На это один мой давний знакомый, года четыре назад слинявший из нашей конторы, обычно отвечал: если убил, никому не говори. Мне приходится говорить. Мы убили человека,

которого в определенных кругах называли борцом за социальную справедливость. Назвать имя заказчика, Михаил Георгиевич?

– Просто продолжай.

– Мой хозяин посчитал, что так будет продолжаться вечно, и решил покончить с источником – убрать тебя.

– Не дерзи, щенок. – Курбатов покачал головой и еле слышно прошептал: – Я хотел убрать тихо, мирно, как и в первый раз... Почему ты предал своего босса? – слегка повысил он голос.

– Он стареет. А мне надоедает воровство. Воровать можно у китайцев из кассовых аппаратов. Я отступлю от правил, тем более это правила моего друга. Однажды я убил женщину.

– Ты уже говорил об этом.

– Я до сих пор называю ее женщиной Ван Гога. Мы проникли, как всегда, умно, а когда уходили с «Портретом мадемуазель Раву», вернулась хозяйка...

– Я понял: ты мог ее и не убивать.

– Она увидела мое лицо.

Седовласый усмехнулся:

– А когда ты повернулся к ней спиной, она узрела табличку: «ОМОН».

Курбатов осадил товарища резким жестом руки:

– Успокойся, Трой. А ты продолжай.

– Вы правы. Меня то убийство завело. Я даже пожалел, что вначале не изнасиловал хозяйку дома. – Вихляй врал очень уверенно. В его доме на стене до сих пор висела фотография швейцарки. Он не разговаривал с ней, не просил прощения, просто этот снимок на стене был для него чем-то жизненно необходимым, как воздух. – Он быстро свернул эту тему. – Я вот о чем хочу сказать. Что я буду делать после этого убийства? Я своих товарищей положил. У меня не было выхода. Когда я предложил Гриневичу разобраться с Паниными, он красноречиво промолчал, то есть дал согласие. И тогда я понял, что он уберет меня, дабы на мне обрубить все концы с вами. Не думаю, что получил бы пособия киллера. А было бы неплохо, правда, ждуть в маленьком доме почтальона и расписываться в квитанции...

– Ближе к делу, комик, – поторопил его Трой.

– И то и другое для меня означало потерять все. Мне и час назад нельзя было позавидовать, а сейчас я вообще в безвыходном положении. Но здесь мне могут реально помочь.

– Ты сделал выбор в пользу более сильного, – внес ясность хозяин. – Так поступают все. Я могу помочь, но зачем? Зачем мне ты? – спросил Курбатов, только сейчас осознав, что избежал смерти, что, по большому счету, был обязан этому человеку. – Подождем, когда все утрясется, – сказал он. – Потом ты убьешь Гриневича.

– Я убью Гриневича?

– Ты не просто убьешь его, ты убьешь его тем способом, который я тебе укажу. Я его еще не придумал. А пока с тобой сделаем вот что...

2

Вихляй дорвался. Дважды. Он допивал вторую бутылку водки. Он задолго до этой операции понял, чем грозит она ему, имеющая, возможно, два конца, словно рогатый месяц. Вот за эти рога при определенной сноровке он и схватится, иначе рухнет в бездну. Так и случилось.

У него было два варианта: открыто явиться к Курбатову и сказать ему: «Папаша, вас грохнут хотят». Он даже видел его в окружении десятка мужиков лет семидесяти, похожих как близнецы, в шляпах, с тросточками, с морщинистыми лицами, с огромными челюстями, которыми в пору из бычьих костей костную муку молотить, с сигарами в слюнявых губах, в костюмах в полосочку. Короче, таких крутых даже в нашем кино не увидишь. А ему, Вихляю, вроде плевать на всех этих мафиози. И на их телохранителей с переломанными носами плевать. Он им

сразу сказал, как наших телохранителей готовят, а заодно делают из них борцов «типа вольного стиля». Он даже не замечал, что сидит рядом с инфантильной красоткой, которая с полчаса назад кувыркалась в постели со своим мужем, а потом читала вроде бы интересную книгу. А сейчас вот слушает аудиовариант пьяной дребедени.

– У меня есть знакомый – борец. Или горец. Ну хрен с ним, пусть он и борец, и горец. Молдаванин, короче. Так он перед поединком с соперником залазил на самую высокую гору, которая только есть в Карпатах и где воды – лишь жажду горному муравью утолить, и начинал трахать гуцулку. Неделю трахал, потел, не мылся. Потом спускался с горы, надевал тряпку, которую называл борцовским костюмом, и выходил на площадку для турниров. Там он вступал в поединок с соперником. А они же друг другу голову между ног суют – это прием такой в нижнем партере, и сжимают что есть мочи. Они на спор ляжками кокосы колют. Так вот, а соперник, оказывается, две недели трахал двух подруг на горе, которая выше той в два раза и где воды не было вообще – кровь друг у друга сосали. И один из них не выдерживал запаха. Причем у одного натурально выжгло глаза от всей этой вонищи.

– Еще выпьешь?

– Я выпью еще два раза. А потом...

Голова Вихляя упала на грудь, и он мгновенно уснул. Он по-детски причмокивал губами, одетый все так же – в черную униформу, с пустой оперативной кобурой, с походным ранцем за плечами, где хранился сканер...

Проснулся он уже без кобуры и ранца. Привычно пошарил рукой справа и нащупал на тумбочке... стакан. Попробовал – вода. Ну да, он и хотел воду. Только обычно он воду в бутылке на ночь оставлял. Выпив стакан двумя глотками, он продрал глаза и с минуту приходил в себя. Поначалу ему показалось, он не спал, не бредил наяву, а жил в параллельном мире.

И снова он слышит команды:

– Вставай.

Он встал.

– Ширинку застегни.

– Себе застегни, урод, – Вихляй ожег черными глазами Троя Зеленина, только вчера, как говорят, в кон, прилетевшего из беспокойного Иерусалима.

– Поехали.

– Куда? За кудыкины горы?

– Угадал. Щелкнемся на память...

...Вихляй открыл один глаз, другой. В правый, со шрамом на верхнем веке, попала соринка, и он, грязно выругавшись, начал вынимать ее согнутым пальцем, как спросонья. Сорвал с носа кусок пластилина – эту имитацию развороченного носа.

– Сполосни рожу в пруду, пиявочник, – подсказал Трой Зеленин, одетый по случаю в синюю милицейскую униформу и ботинки. Он убрал фотоаппарат и проследил за Вихляем взглядом. Слегка покачиваясь, словно с похмелья или после нокдауна, Андрей побрел к речушке. Присев, долго умывался, замочил черную униформу. Вернулся к новым и старым товарищам бодрым, как после двенадцати часов сна.

И снова наклонился. На этот раз над Паниным. Усмехнулся, припомнив фразу Мирона из кинофильма «Адъютант его превосходительства»:

– Не, Павло, ты молодым так и останешься.

Ветеран был тяжело ранен в грудь и не мог говорить. Он с трудом дышал. А его взгляд фактически блуждал по ту сторону света.

– Ты хорошо стреляешь, – запоздало похвалил Вихляя Курбатов, обутый в высокие резиновые сапоги. – Сколько времени прошло, а он все никак не сдохнет.

– Это значит, он стреляет плохо, – встрял Зеленин. – Эй, Зоркий Сокол, пошли работать.

Вихляй перехватил взгляд Курбатова: «Не отвечай». И согласился с бывшим прокурором. Встанет он в стойку, его здесь на куски изрежут, благо охотничьих ножей едва ли не по паре на брата.

Вместе с Троем они вытащили из «УАЗа» труп бомжа, положили его между Паниными. Пока Трой ходил за канистрой с бензином, Вихляй попрощался с товарищем: взвел курок пистолета и, почти не целясь, трижды выстрелил Ветерану в грудь.

Закопав обгоревшие трупы, полив сверху могилу ортофосфорной кислотой, бригада засобиралась. Курбатов подозвал Вихляя к своему джипу и похлопал по заднему сиденью: «Присаживайся».

Загодя включив проблесковые маячки, эскорт из трех машин тронулся в сторону города.

– Честно говоря, вчера я тебе не поверил, – начал разговор Курбатов.

– А теперь веришь?

– Обращайся ко мне на «вы». И теперь не верю. Потому что разговариваю с трупом. Я вижу, ты хочешь снова дерзнуть?

Андрей Вихляев ответил после долгой паузы:

– Может быть, завтра. Сегодня я устал.

3

Алексей Викторович Гриневич мог сказать, что сегодня его обезглавили.

Он осознанно шел на этот риск, однако потеря боевого ядра его команды напрашивалась именно на такое безжизненное определение. Пожалуй, он впервые видел, как трясутся у него руки, дрожат губы. С его языка были готовы сорваться слова проклятья. Перед глазами картина Гогена: «Автопортрет с желтым Христом». В чертах художника с пышными усами и мрачным взглядом отчетливо проступили черты Курбатова. Позади него не худая фигура распятого Христа, а целых три казненных на кресте человека. *Бессмысленная и жестокая казнь*. Воплощение кровавой легенды о толпе, требовавшей распятия... как развлечения.

Он швырнул телефон в стену. Смотрел на разлетевшиеся его части и думал, что, если хорошенько поискать, найдется стекло экрана и сохранившиеся на нем строки: «*Трупы своих недоумков найдешь...*» Гриневич с трудом мог вспомнить место. Он понял, как сходят с ума, когда едва переборол в себе желание найти экран мобильного телефона.

– Тварь! – в бессильной злобе прошептал он, чувствуя, как наворачиваются на глаза слезы. Он увидел свои руки, тянущиеся к горлу невидимого противника.

Гриневич снял трубку рабочего телефона и позвонил водителю.

– Ты где?

– Обедаю, Алексей Викторович, – с набитым ртом ответил Геншин. «С намеренно набитым ртом», – неприязненно констатировал про себя босс.

– Подъезжай немедленно, – отрубал он слово за словом. – Нужно срочно решить один вопрос.

Ему было плевать на то, что чудом или нет, но Геншин остался жив. Вовремя он уехал или запоздал, поскольку выстрелы из винтовок неслись вдогонку его микроавтобусу.

Нажав на клавишу, он набрал другой номер. Услышав мужской хрипловатый голос, повторил то, что секундами ранее сказал водителю, назвав собеседника Андреем.

Прошло двадцать минут. Из них треть он смотрел на водителя и не видел его. Перед глазами женское лицо, которого он боялся – сестры Вихляева. Пожалуй, впервые в жизни он не сможет толком объяснить, что же на самом деле произошло. В разговоре он мог оперировать деталями, что не состыковывалось с действительностью: он действительно не знал, имело ли место убийство. А текстовое сообщение – всего лишь злая шутка. Он дорого заплатил бы за это. Только Курбатов не был похож на артиста, решившего сыграть комическую пьесу, он был

человеком, способным причинить неприятности тому, кто их не ждал. «Я ждал, я ждал», – стучало в голове Гриневича.

Он скакал с одного предмета размышлений на другой и не чувствовал, как им овладевает лютая ненависть. Она всегда была рядом и только сейчас решила проявить себя.

Когда в кабинет вошел его заместитель Андрей Розовский, Гриневич хватил рукой по столу и обратил на него внезапно потухший взгляд.

– Что случилось, Алексей Викторович? – спросил Розовский, подходя к столу.

– Они не вернулись, – не сразу ответил Гриневич. – Я получил месседж. Может, ты сядешь?

– Их убили?

– Успокойся, пока никто ничего толком не знает. Рано паниковать и падать в обморок. Я скажу, когда для этого настанет время, – пообещал он.

В молчании прошла минута, другая. «Возможно, – думал в это время Гриневич, – и водитель, и Андрей Розовский, работавший в «Артике» чуть больше двух лет, вспоминали его слова: «Никто не пожалеет вас, если вы попадете в неприятности».

Он мог сказать себе, что подобрал этих людей, когда они остались не у дел. Он оперировал своими словами и определениями, хотя они походили на «общепринятые» шаблоны: государство дало им навыки и бросило их уже в ранге профессионалов; свое они отработали. Это он, Алексей Гриневич, подобрал их, дал им то, чего они заслужили: общение, деньги. Он заставил их уважать себя.

Он понимал, что эти мысли не уживаются с его истинным настроением. Они напыщенные, неуместные, как выкрик скудоумного болельщика под руку спортсмену во время теннисного матча: «Россия, вперед!»

– Нужно съездить. Посмотреть, – отрывисто проговорил он.

– Вдруг Курбатов оставил там оперов? – предположил Геншин.

– Не глупи. Этот шаг ему ничего не даст. Связь между мной и боевиками ему даже устанавливать не надо.

– Нас могут арестовать, когда мы повезем трупы...

– Кто тебе сказал, что мы их куда-то повезем?

Водитель надолго замолчал.

Гриневич запоздало поймал себя на странноватой, однако отдающей реальностью мысли: он опустился с высот, на которых обитал, на обычный уровень, став обычным человеком. Обнаружил в себе массу недостатков, о которых раньше и не подозревал. Задумался над тем, что, оказавшись в таком трудном положении, недостатки нужно отнести к достоинствам и сказать себе: «Ничто человеческое мне не чуждо».

Глава 6

В зоне комфорта

1

Аликанте, Испания, неделю спустя

Вилла, имеющая имя собственное – Консуэло, нашла себе место на плосковершинной части скалы, о подножие которой бились не переставая волны Средиземного моря. Это тихое местечко было частью провинции Аликанте и будто представляло ее в миниатюрном виде. Внутренняя территория холмистая, с фруктовыми деревьями, виноградниками, оливковыми рощами. Прибрежная равнина покрыта садами апельсиновых деревьев, вдоль моря тянутся пляжи.

На этих берегах карфагеняне построили морские базы, они пережили арабское завоевание, прежде чем их отвоевали королевские дома Кастилии и Арагона.

В полукилометре от виллы раскинулся небольшой туристический городок, обычно оживленный в летний сезон, где белые домики рыбаков сохранили обаяние былых времен.

– Потрясающе красивое место! – уже в который раз бросал, словно не доверяя увиденному, Гриневич. Он выбрал местом встречи уютную беседку. Отсюда каменная лестница вела к тихой бухте, стиснутой с двух сторон скалами, и обрывалась она на песчаном пляже.

Сенешаль по имени Феликс, одетый в белую рубашку и черные брюки, сервировал стол, поставив сбоку ведро, наполненное водой со льдом; из него виднелось горлышко бутылки «Столичной».

– Который сейчас час? – спросил Гриневич.

– Двенадцать часов семь минут, – ответил шестидесятилетний Феликс, заведующий домашним хозяйством и прислугой. В этот воскресный день он отпустил подчиненных и сам обслуживал гостя.

Устроившись на скамейке, Алексей попытался вспомнить, что предшествовало неважному настроению с утра. Конечно, это мысли, которые словно раздели его, и он оказался на виду у постороннего взгляда. Тогда он дал оценку своей реалистичности, и она оказалась невысокой, иначе бы он понял: идеала не существует. Тем не менее он верил в то, что встреча с человеком, которого считал идеалом, не за горами. И снова вопрос: была ли вера в него безграничной. Он ответил: с высоты нынешней ситуации – да.

Гриневич называл его профессионалом с большой буквы и настраивал себя на скорую встречу с ним в прежнем духе, словно разговаривал с ним. Он мог дать ему задание в стиле героев Алена Делона: «Есть работа посложнее». И дальше (если он, конечно, заметит колебания Кости Романова): «Тебе стоит это попробовать». Услышать вопрос: «Зачем?» И закончить: «Чтобы узнать, от чего ты отказываешься».

Улыбка слетела с его губ, едва он вспомнил первую встречу с Романовым. В ту пору на его плечах были еще генеральские погоны, и он в качестве военного прокурора расследовал убийство курсанта на Балтфлоте. Их встреча не состоялась бы, если бы не начальник разведки флота со странноватой фамилией Школьник, вручавший награды особо отличившимся бойцам; Гриневичу пришлось стать «соучастником» этой процедуры. Он до сего дня не мог объяснить внезапной симпатии к человеку, которому в подразделении боевых пловцов дали позывной – Румын. Расследование убийства и учения не совпали по датам – расследование

затянулось на пару месяцев. И Гриневич, вызывая военнослужащих на повторные допросы, решил вызвать Романова. Хотя его алиби было установлено.

– Кто-то убил твоего товарища. Я знаю, что не ты. Но меня интересует вопрос: пошел бы ты на убийство, если бы тебе приказал твой непосредственный начальник? – Гриневич неожиданно указал на свои генеральские погоны. – Или я, генерал.

Ответ Романова превзошел все его ожидания.

– Не считайте меня волчонком, а себя вожаком стаи, – ответил морпех. – Не вы решаете мою судьбу.

Казалось, Романов был готов к этому разговору, ждал его, знал, чем он закончится, заранее подготовил этот распространенный шаблон о волчонке и вожаке стаи. Несмотря на положение человека, о котором не говорят, а констатируют: «Твое имя здесь – только номер». Романову оставалось до увольнения из армии ровно год и два месяца...

Он был бы не прочь, если бы сейчас зазвучала мелодия Эннио Марриконе из кинофильма «Профессионал» с Жан-Полем Бельмондо в главной роли. *Ничего не обещающая* – вот точная характеристика этой мелодии. Если воспринимать ее в этом ключе, то уйдут другие сравнения – безысходность, тоска, смерть...

Все размышления Гриневича в эти часы говорили: он был взволнован. Неоправданно для себя заранее строил разговор, подбирал тонкие фразы. Будто готовил оружие, чтобы оно сработало без осечки.

2

Не прошло и пяти минут, как вернулся Феликс, сопровождая гостя.

Одетый в черный костюм и темную рубашку без галстука, Романов шел чуть позади Феликса. У Гриневича сложилось впечатление, что Костя при малейшей опасности был готов скользнуть за спину сенешаля и, прикрываясь им, ликвидировать угрозу. Он подумал о том, что перегрузил себя, поджидая гостя, и в этой связи задал себе вопрос: как бы он поступил на месте Кости? И не смог ответить на него. Сейчас же стоило ответить на приветствие гостя.

Прежде чем поздороваться с ним и протянуть ему руку, Гриневич несколько раз кивнул, не отрывая от него взгляда, мысленно давая общую оценку этой короткой сцене.

– Здравствуй! – Гриневич встал со скамейки и, шагнув навстречу, обменялся с Романовым рукопожатием. – Присаживайся.

Романов принял приглашение. Опускаясь на скамью, он расстегнул пиджак. И снова Гриневич увидел в этом жесте не общепринятое правило, а демонстрацию готовности, напоминание о себе в том качестве, о котором знали лишь несколько человек. «Нет, я все же перегрузился», – тихо бросил под нос Гриневич.

Он заметил шнурок на шее Романова, уходящий в нагрудный карман. Плеер, догадался Алексей. И спросил:

– Что слушаешь?

– Музыку, – ответил гость. И спросил в свою очередь, указав на книгу на столе: – Что читаете?

– Преимущественно детективы, – с легкой запинкой ответил Алексей. – Буквально вчера вечером закончил один. Понравилось то, что мелочи прописаны очень тонко. Дело происходит в Израиле, герои – наши бывшие соотечественники. Так вот, если в американских детективах кто-то говорит: «Хочешь выпить? Сейчас приготовлю», – то здесь по-другому. – Гриневич положил руку на книгу. – «Хочешь выпить? Сейчас налью». – Он рассмеялся. – Хочешь выпить, Костя?

– Налейте, если не трудно, – подыграл Романов.

Гриневич разлил водку по рюмкам и первым поднял свою в молчаливом тосте.

Костя не выпил, а только пригубил и поставил рюмку на стол. Распечатав новую пачку сигарет, закурил; пачку и зажигалку положил ближе к середине стола, где лежали сигареты Гриневича.

– Надеюсь, не стоит напоминать тебе специфику моей работы, – приступил к делу Гриневич.

– Я знаю, – покивал Румын. – Вы помогаете настоящим людям с настоящими проблемами.

– Точнее, большим людям с большими проблемами.

– Есть разница?

– И очень существенная. На досуге подумай над этим. Хочешь спросить, зачем я вызвал тебя?

– Вы не из тех людей, которые беспокоят зря. За мной долг – я всегда помню об этом.

Гриневич позволил себе с минуту изучать взглядом гостя. С длинными волосами и короткой бородкой, Романов в свои двадцать девять выглядел на пару лет старше – это с учетом его строгого костюма. На языке вертелось определение «мастер перевоплощения».

В то же время он давал и гостю рассмотреть себя. Они не виделись около пяти лет. За это время и сам Гриневич успел сменить имидж. Раньше он стригся коротко, сейчас же его волосы слегка прикрывали уши. Бородка стала узкой и остроконечной.

– У меня к тебе предложение, – Гриневич приступил к делу. Откинувшись на спинку скамейки и положив ногу на ногу, он продолжил: – Я назову тебе имя человека, а ты назовешь сумму.

Костя пожал плечами и молча дожидался продолжения разговора.

– Михаил Георгиевич Курбатов, – разделяя имя, отчество и фамилию, назвал Гриневич.

Романов коротко рассмеялся. Затушив сигарету в пепельнице, он взял со стола рюмку и выпил ее одним глотком.

– Вижу, это имя произвело на тебя впечатление.

– Что насчет моего имени? – спросил Романов. – Я в федеральном розыске и не могу выехать за пределы даже этой страны. Еще я стал другим человеком.

– Есть польский анекдот, – вроде бы не к месту сказал Гриневич. – Жена – мужу: «Ты же обещал стать другим человеком». Муж: «Я и стал другим. Но он тоже пьет». С таким талантом, как у тебя, надо родиться. Это как отпечатки пальцев. Можно сменить имя, но от себя никуда не уйдешь. Это не я сказал. Просто запомнилась фраза из фильма «Эдди и «Странники». Это фильм про одного одаренного парня. Много лет его считали погибшим, но вот он снова появляется... И ты мне нужен. Один. Мне не нужна толпа хотя бы из трех человек, из которых первый умеет одно, второй другое, а третий караулит остальных.

– Я помню: у вас была такая толпа. Неужели рассеялась, и вы остались один?

– Знаешь, что сейчас важно для тебя? – спросил Гриневич, уходя от прямого ответа.

– Скажите.

– Получить место.

– Я не собираюсь делать карьеру.

– И что следует из этого? – Этим вопросом Гриневич поторопил собеседника и еще раз напомнил о том, что Романов может назвать сумму за предстоящую работу. Он был готов и к тому, что сумма сразит его наповал. Он отчетливо осознавал, что сейчас перед ним не его бывший подчиненный, не боец его команды, а человек, на которого он когда-то сделал ставку.

С другой стороны, Гриневич видел совсем другого человека. Про него нельзя было сказать: он повзрослел на четыре года. Он поменялся, стал другим. Может быть, был готов стать другим, и разница между этим – лишь предложение или согласие на предложение.

Порыв северного ветра принес с моря прохладу. Как и в любом приморском городе, здесь погода была капризной и непредсказуемой. Ясный день сменялся днем пасмурным с невероятной быстротой.

Гриневич заторопился. Судя по новым порывам ветра, дождь обещал затянуться, и беседка – не лучшее место, чтобы укрыться от косых водяных струй. В этой спешке проявились некоторые черты, присущие только русскому человеку. Романов незаметно усмехнулся. В этом богатом доме наверняка полно спиртного, Гриневич тем не менее прихватил со стола початую бутылку водки. Чем напомнил погорельца, спасающего из огня самое дорогое.

Эта ситуация сыграла на руку Румыну – через минуту он оказался в доме немного промокшим. Феликс подоспел вовремя. Однако под зонтом, который он принес к беседке, уместился лишь Гриневич.

– Уже несколько лет считаю Средиземноморье родными берегами, но всякий раз ненастье застает меня врасплох, – посетовал он.

Он провел Романова в гостиную, отличающуюся современным дизайном. Холодный пластик мебели удачно сочетался и с теплым светом, струящимся из окон в ясную погоду, и с холодным, таким, как сейчас. Солнце, проходя с востока на запад, поочередно бросало свет на полотна постмодернистов, которые радикально переоценили ценности коллег авангардистов. Хозяин этого дома напрочь отвергал теорию о том, что солнечный свет губителен для полотен. Гриневич мысленно соглашался с ним: «Для этих полотен даже свежий воздух, влага и палящий зной не страшны». Взять хотя бы картину Бореля «Белое пятно в середине черного квадрата» или «Девушка легкого поведения с синей пуповиной». Однако в этой гостиной были по-настоящему приличные и ценные работы, например, сложные в исполнении литографии в стиле поп-арта, раннего рубежа постмодернизма.

– Где можно вымыть руки? – спросил Романов.

– Через холл и по коридору направо, – подсказал Гриневич и указал рукой направление.

Романов оставил гостиную. Проходя мимо щитка с сигнализацией, отметил марку фирмы: «Ракал-Комсек». Он был знаком с системами скрытого слежения этой английской фирмы, сигнализацию же видел впервые. Он на этот щиток, за прозрачным окошком которого виднелся жидкокристаллический дисплей, обратил внимание, едва перешагнув порог этого дома. Смонтированная в пластиковой жароупорной оболочке и закрепленная в чуть больших размерах нише, сигнализация находилась в двух с половиной метрах от входной двери.

Оглянувшись, Романов открыл дверцу и осмотрел ее с внутренней стороны. Он нашел то, что искал: код, нацарапанный чем-то острым. Он состоял всего из четырех цифр – 3290. Этот код открывал доступ к сигнализации как изнутри, так и снаружи. В течение установленного пользователем времени, например, тридцати секунд, появлялась надпись «Arming», то есть кнопочный «рычаг» можно было вернуть в прежнее положение в течение установленного времени, и тогда на экране появлялась другая надпись: «Cancelled» – «Отмена». Внутри код был доступен только домашним, так что оставлять памятку на дверце – вещь едва ли не общепринятая.

Вымыв руки, Романов вернулся в гостиную. Он не рассчитывал на гостеприимство Гриневича, который и сам был здесь на птичьих правах. Но даже в собственном доме глава «Артики» не рискнул бы приютить на ночь человека, которому отвел роль наемного убийцы. Дело не в страхе, его-то как раз Гриневич не испытывал, а в неких правилах. С другой стороны, он не стал бы приглашать Романова в свой дом или офис, он бы нашел другое место для переговоров, возможно, снял квартиру. Сегодняшняя ситуация заставила его пребывать на территории, ограниченной изящной кованой изгородью этого дома.

Гриневич продолжил разговор, напомнив Романову его же слова о том, что тот в федеральном розыске.

– Ты можешь рассчитывать на мои связи. Я многим людям оказал дружеские услуги, могу рассчитывать на вознаграждение или попросить помощи. Некто Реми Миро, к примеру, может сделать тебя гражданином любой страны. Настоящие паспорта, а не классные фальшивки.

Романов ответил ему в схожем ключе:

– Мне не нужен напарник. Мне не нужны ваши связи. Если я воспользуюсь вашими связями, а вас возьмут за задницу, они могут вывести на меня. Вам лучше не знать, какими путями я пойду. Для меня важно, что о них буду знать только я. Что никто не потянет их и не выведет на меня. И еще мне нужна независимость, полная свобода действий. Вы трезвый человек и вряд ли захотите проследить за ходом событий или контролировать каждый мой шаг.

– Для чего?

– Чтобы, если понадобится, исправить ошибку, подкорректировать, подсказать. Я не нуждаюсь в советах, пусть даже я ваш должник. Если я ошибусь, меня уже никто и ничто не спасет. Завтра в это же время вы получите ответ. До свидания.

– Да, всего хорошего. Но если ты захочешь дать ответ раньше, позвони сюда. 223-23-10. Записать?

– Я хорошо запоминаю цифры.

У Гриневича пропала куда-то мелодия из фильма «Профессионал». Он усомнился в мастерстве Романова, едва увидел его. В образ верить куда проще и надежнее, нежели в живого человека. Наверное, все дело в ответственности. С призрака не спросишь. Чего не скажешь о живом человеке.

Он нервно зашагал по гостиной. Прикурив, бросил спичку в камин и остался стоять, облокотившись о мраморную полку. Он не мог скрываться вечно. Даже полгода – для него срок устрашающий. Но именно столько может уйти у Романова на подготовку. Черт его возьми, выругался Гриневич, понимая, что без связей Романов никто, безымянный стрелок.

Глава 7

Новые связи

1

Костя дошел до ворот в сопровождении Феликса. Старый сенешаль открыл неприметную калитку, вмонтированную в кованую створку ворот, и попрощался.

Романов не стал заранее интересоваться, кому принадлежит эта сеньория.¹ Равно как отказался от идеи выяснить это у самого Гриневича. Последний знал, что его гость относится к категории людей, которые не задают праздных вопросов, не заполняют пустыми словами неловкие паузы в разговоре, если того не требует работа. Он не хотел настораживать Гриневича даже такими мелочами.

Аллея вывела его на проезжую дорогу. Романов оставил без внимания молодую пару, с полувзгляда распознав в ней туристов. Его внимание привлекла женщина лет тридцати с откровенным каре на вороте черного платья. Она держала на поводке спаниеля породы спрингер.

– Простите, кому принадлежит эта вилла? – Романов жестом руки указал на видневшиеся в конце аллеи ворота. – Мне сказали, она продается.

– Это вряд ли, – ответила женщина, игриво вздернув брови. – Я бы узнала об этом первой.

– Это ваш дом?

– Если бы... – Она рассмеялась. – Здесь живет Томас Фали. Не так давно он возглавлял Верховный корпус. Сейчас в госпитале.

– Что-то серьезное?

– Очередной инфаркт.

– Живете поблизости?

– Рядом. Небольшой поселок из одноэтажных коттеджей. Пара-другая действительно выставлена на продажу.

– Верховный корпус? – повторил про себя Романов. – Там выгуливают лошадей?

– Насчет выездки не знаю. Верховный корпус является частью испанской Национальной полиции.

Романов наклонился, погладил собаку, потрепал ее за ушами. У него было особое отношение к собакам...

– Всегда хотела, чтобы меня любили и слушались, – объяснилась женщина по поводу спрингера. – Еще у меня дома есть попугай. Он-то точно знает, что я всегда права.

– Вас любят и слушаются, – подытожил Романов, – знают и уважают ваши права. А если вам вдруг не хватит аргументов? – Он вопросительно посмотрел на женщину.

– Я заведу себе мула, – ответила она без паузы. – Он очень вынослив. И бесплоден. Меня зовут Марибель. Я могу подыскать вам приличное жилье.

– Было бы неплохо. Костя, – Романов первым протянул ей руку. – Как вас найти?

– Просто придите в поселок и назовите мое имя.

Женщина медленно пошла по тротуару, взяв поводок в правую руку.

Романов остановил попутную машину и доехал до границы, разделяющей старый город, зажатый между скалой и бульваром, и новый – небольшой и не очень красивый. Зашел в летнее кафе и заказал вина. Переодетый трубадуром музыкант поначалу мешал ему сосредоточиться,

¹ Поместье.

но постепенно звуки волынки отгородили его от окружающего мира, и его мысли сосредоточились на работе.

Он был уверен в завтрашнем дне в том плане, что скажет «да» Гриневичу. Тому было много причин. Он то ли разговаривал с самим собой, то ли вспоминал:

«Ты устал в окружении новых товарищей, и в отеле, который служил агентам флотской разведки прикрытием, был в положении поселенца. У тебя не было прав, и ты стремился на волю. Фактически Гриневич предоставил тебе возможность вырваться из плена. Ты словно почувствовал его настроение и пришел ему на выручку».

Его работа называлась универсальной. Ее нельзя было назвать интересной, захватывающей. Гриневич дал ему возможность открыть свое дело, у него появился свой дом, где чувствовалась женская рука. И если бы не трагическая случайность и четыре трупа, которые он оставил за собой, жил бы тихо и мирно.

Уже в который раз тоска взяла его за горло. Она не могла появиться ниоткуда. Она исходила из его дома, прорывалась криком из горла его подруги, закипала на крови уродов, которых он крошил отточенной до остроты лезвия саперной лопаткой. Она преследовала его, переодевшись в милицейскую форму, в гражданскую одежду «федерала». Топала за ним по пустынным улицам, не отпускала из запруженных проспектов и душных переулков...

У него было хорошо развито чувство опасности. Однажды ранним утром он понял, что поневоле приблизился к пропасти. К тому времени в бегах он был около двух лет. Он позвонил Гриневичу и в двух словах объяснил свое положение. Гриневич не мог принять человека, находящегося в розыске. Он назвал ему фамилию начальника флотской разведки, в оперативном подчинении которого был весь морской спецназ.

Универсальность Романова включала в себя умение найти человека, зная лишь его фамилию. Об адмирале Школьнике он знал достаточно, чтобы уже вечером окликнуть его у подъезда его дома и поднять руки на уровне плеч, демонстрируя их офицеру защиты.

– Моя фамилия Романов. Балтфлот, учения, именные часы, чай вдвоем. Вспомнили?

– Кажется, вспомнил, – неуверенно выговорил адмирал. – Ты можешь подойти.

Виктор Николаевич на секунду замялся. Кивнув офицеру, открыл заднюю дверцу служебной «Волги», сел сам и пригласил Романова. Тот занял место в салоне, когда из машины вышел водитель.

– Помогите мне, Виктор Николаевич, – начал Костя, глядя на подчиненных адмирала через тонированное лобовое стекло, – и, если представится случай, я помогу вам. Вы можете сказать, что в неприятности я попал по глупости.

– Пока что я терпеливо слушаю тебя. – Адмирал демонстративно посмотрел на часы. – Начни с начала, с середины, с конца. – Он только сейчас вспомнил Романова и чуть слышно пробормотал под нос: – А ведь мы действительно пили чай в экипаже... Забыл твое имя...

– Костя.

– Начинай, – в очередной раз поторопил Школьник. И вдруг понял причину, по которой он согласился на столь странный прием. Неожиданность, конечно, сыграла свою роль, но адмирал был напуган. Он вдруг подумал: вот так убивают у подъезда. Выходит человек с поднятыми руками, и пока телохранитель смотрит на них, с другой стороны по нему открывают огонь. Затем жертву расстреливают из двух стволов. Брр... Школьник зябко повел плечами. В Романове он увидел того, кем тот и был на самом деле.

Поначалу он невнимательно слушал Романова. Тот рассказывал о своем доме, новой немецкой машине. Затем переключился на омоновцев, возвращающихся из командировки. Вместе с ними из Чечни возвращалась служебно-розыскная собака. Неинтересно, подумал адмирал, даже грустно, когда услышал, что омоновцы всю дорогу бухали, на станциях выводили Графа справить нужду и вот однажды оставили его... Собака долго кружила по городу и все время возвращалась к одному и тому же месту, к вокзалу. Наконец инстинкт повел ее прочь

от города, в котором она задыхалась. Голодная, она забрела в коттеджный поселок, перепрыгнула через забор романовского дома, остановилась возле мусорного бака, откуда пахло свежими бараньими костями. Но тут ее внимание привлек другой запах, тот, который она узнала бы среди тысяч других...

– Я вышел во двор утром и увидел овчарку. Она сидела в стойке рядом с передним крылом моей машины. Много позже я понял, что она просидела без движения всю ночь... Я долго не мог понять, чего она от меня хочет. Она рычала на меня, когда я подходил к дверце и хотел открыть ее, скулила, требуя, чтобы я возвратился, когда демонстративно поворачивался и уходил. Наконец я понял. И она все поняла, взглянув мне в глаза. Она отошла от машины и уступила место мне. Под крылом была закреплена взрывчатка, провода шли под капот. Когда я обезвредил адскую машинку, собаки уже не было. Но я нашел ее. Нашел ее по той единственной вещи, которая крепилась к ее ошейнику. Это была медаль «За боевые заслуги». Это ее хозяин повесил свою медаль ей на шею. Я нашел собаку мертвой. Она забрела в один поселок. Ее приманили лаской, наверное, – это я выяснить не стал. Убили для того, чтобы съесть. От нее остались лишь голова и шкура. Эти останки я потом похоронил...

– А что... живодеры? – с натугой, чувствуя тошнотворный ком в горле, спросил адмирал.

– Их было четверо, – по губам Романова пробежала мертвенная улыбка. – Я убил их.

Он продолжил после короткой паузы.

– Я два года в бегах, товарищ адмирал. Давно бы явился с повинной, если бы чувствовал вину. Знакомый адвокат сказал: двадцатка корячится. За что? За то, что отправил уродов туда, где им самое место?

– А кто тебя заказал, ты выяснил? – спросил Школьник.

– Нет, – Костя покачал головой. – Могу только догадываться. Конкурентов у меня не так много. Опера ждали, когда я начну выдергивать заказчиков и дырывать их, построили на этом план захвата...

Костя был готов повториться: «Я убийца. Теперь вы можете сказать, что я попался по глупости, на чувствах, на инерции, мне все равно, потому что я продаю себя. Помогите мне, а я помогу вам. Я разведчик. И разведка может использовать меня для особых заданий».

...Костя будто очнулся. Слух резанул голос волюнки, глаза долго не могли привыкнуть к пестрому наряду трубадура. Он показался ему настоящим, за ним натуральная старинная улочка, убегающая к двухсотметровой скале...

Тогда адмирал опередил его. На его счастье, начальник разведки лично курировал агентурную группу в Испании. Ровно через неделю Романов стал пятым членом команды и получил соответствующую кличку.

2

Марибель повернула на схожую аллею, где также виднелись ворота; они вели к поселку, состоящему из восемнадцати однотипных, но по-разному декорированных коттеджей. Она улыбалась: пожалуй, впервые за пару последних лет к ней во время прогулки обратился молодой человек. Она подумала об этом, как дикарка или отшельница. Почему? Она решила прояснить этот вопрос еще до того, как подойдет к воротам и увидит за ними свой коттедж.

Она обернулась, услышав позади чьи-то шаги. Ее догоняли два человека – лет тридцати пяти и сорока, одетые в неновые деловые костюмы. Марибель пожалела о том, что воспитала дружелюбного спаниеля, а не бойцовую собаку. Она видела решительность, написанную на лицах этих людей, и, лишь когда они приблизились, немного успокоилась. Еще не связав вопросы Романова о продаже собственности бывшего начальника угрозыска с молчаливым и все же объяснимым настроением этих людей, она угадала их профессию: телохранители Томаса Фали.

Тот, что был помладше, обошел женщину и стал у нее за спиной, старший вынул из внутреннего кармана пиджака удостоверение «Куэрпо Супериор» в черной кожаной обложке и представился:

– Лейтенант Мартинес. Всего пара вопросов, сеньора. Представьтесь, пожалуйста, как сделал это я.

– Марибель Гомес. Спрашивайте, – ответила она, хорошо зная нравы местной полиции: если им что-то не понравится в тебе, приготовься к аресту на семьдесят два часа. Возражать и апеллировать к закону можно через семьдесят два часа. И так до бесконечности.

– Несколько минут назад вы разговаривали с молодым человеком. Вы знаете его?

– Эта встреча и стала нашим знакомством.

– Он о чем-то спрашивал?

– Скорее флиртовал, – ответила женщина. – Предлог познакомиться вполне невинный.

Он спросил, не продается ли вилла генерала Фали...

– Один момент, – прервал ее лейтенант. – Он назвал имя генерала?

– Нет, – Марибель покачал головой, – я назвала его. Он спросил, кому принадлежит вилла.

– О чем еще вы говорили?

– Я назвала ему свое имя, он свое.

– Один момент, я запишу его имя. Так, что было дальше?

– Я предложила ему помощь. Если он действительно хочет приобрести недвижимость, то может рассчитывать на мою поддержку.

– Вы риелтор? Работаете в сфере недвижимого имущества?

– Нет, к торговым посредникам я никак не отношусь. Дело в том, что в поселке выставлены на продажу два коттеджа.

– Вы назвали ему свой адрес?

– В поселке всего восемнадцать домов. Достаточно было назвать мое имя.

Второй полицейский к этому времени занял место рядом с товарищем и смотрел на Марибель неотрывно. Та вдруг подумала, что ему не хватает шляпы для завершения образа натурального шпика.

Лейтенант вынул из кармана визитку и протянул ее женщине со словами:

– Свяжитесь со мной, если этот парень навестит вас. Это ваш долг, понимаете?

– Да.

– Ему же ничего не говорите. Наша работа – проверять любого, кто интересуется персоной генерала Фали.

– Понимаю...

– Всего доброго, сеньора Гомес. – Лейтенант изобразил улыбку и в знак уважения и прощания коснулся пальцами брови.

Лишь перешагнув порог своего дома, Марибель обнаружила несоответствие. Почему, думала она, вопросы задавали ей, а не ее новому знакомому. Неужели полицейские упустили его? В это просто трудно поверить. Все говорило о том, что полиция установила за ним слежку. Она припомнила термин: отрабатывают связи подозреваемого. Подозреваемого в чем?

Эти двое напугали ее. Испуг прошел, когда она внезапно, пусть даже ошибочно, поняла, кто перед ней: телохранители отставного генерала. Неужели? – вдруг пронзила ее острая мысль. Неужели этого парня подозревают в подготовке покушения на жизнь генерала?

Неожиданно к ней пришло желание тотчас увидеть Костю и прямо спросить: «Это правда? Ты готовишь покушение?» И какое при этом будет у меня лицо? Что оно будет выражать? Последнюю стадию глупости. Потому что она предвидела ответ: «Кто тебе сказал?» Или совсем уже невероятное: «Откуда ты знаешь?» Выходит, это правда? Боже, как интересно. Жутко интересно. Марибель вдруг ощутила себя сообщницей.

Через четверть часа Феликс докладывал Гриневичу о визите лейтенанта Мартинеса и его напарника. Собственно, полицейские находились позади сенешаля, и по лицу заскучавшего вдруг лейтенанта Гриневич прочитал: он сам был бы не прочь доложить, кто он и кто его напарник. Отчего гость искренне улыбнулся и сделал широкий жест в сторону гостиной:

– Проходите, господа. Вина? – спросил он, когда полицейские заняли места за столом.

Мартинес покачал головой: «Выпью с удовольствием». Его товарищ пожал плечами: «Мне красного. Или белого».

Гриневич слышал об этих людях от самого генерала Фали. Их работа следить за подозрительными лицами возле Консуэло. Но увидел впервые. Впервые же и заговорил, сразу взяв инициативу в свои руки:

– Господа, надеюсь, генерал сообщил о роде моей деятельности. Мы с вами коллеги. Я возглавляю страховую компанию. В частности, я и мои детективы имели честь возратить генералу Фали похищенные у него полотна. Так что привело вас ко мне? – Гриневич сделал кислую мину: высокопарность, раздражавшая его, сгинула, ей на смену пришло легкое раздражение, и его пришлось тщательно прятать. Все-таки эти парни призваны охранять виллу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.